

Алена Бояинская ✨ Кирилл Кащеев

ТЕНЬ ДРАКОНА

Ирка Хортица — суперведьма!

Илона Волынская
Кирилл Кащеев
Тень дракона
Серия «Ирка Хортица – суперведьма», книга 8

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2886015
Волынская И. Кащеев К. Тень дракона : Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-49075-2*

Аннотация

Танька давно хотела поэкспериментировать со старинными гаданиями и обрядами. Не беда, что кот не пожелал предсказывать будущее, а у первого встречного было очень странное имя... Упрямая ведьмочка все равно решила продолжить! И уговорила лучшую подругу – Ирку Хортицу – прочитать над ручьем приворотный заговор. После этого раздался страшный грохот, вода в ручье закипела, неподалеку закричала девчонка... Но заговор все-таки сработал: за Иркой начали ухаживать сразу три парня. Правда, один из них вполне может оказаться таинственным убийцей ведьм, остановить которого не получается вот уже двести лет. Сейчас он прибыл в город и начал свою охоту...

Содержание

Пролог	4
1	16
2	23
3	28
4	38
5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Илона Волынская, Кирилл Кашеев

Тень дракона

Пролог

Блондинки – страшная сила

– Знаешь что-о... – протянула хорошенькая, как фарфоровая кукла, девочка лет шестнадцати, задумчиво вонзая острый каблук сапога в край серого сугроба, наметенного у бордюра клубной стоянки. Слежавшийся, в грязных разводах снег скрипел, будто жаловался. – Отвези меня домой.

– Че-его? – ее парень, постарше – лет девятнадцати, замер, не донеся сигареты до рта. – Маринка, ты ничего не путаешь?

– Путают – бесы, – равнодушно пояснила девчонка. Вырывающиеся из задней двери клуба цветные лучи стеклянно отблескивали в ее ярко-голубых, как у куклы, глазах. – Мне просто надоел этот клуб. Хочешь оставаться – оставайся, только вызови мне такси.

– Нет, ну видали наглость! – воскликнул парень, обращаясь к колючим зимним звездам на холодном серо-черном небе. – Слинять намылилась? Я тебя сюда привез? Охраннику, чтоб тебя, малолетку, в клуб пустили, на лапу сунул? Коктейль заказал? Кажется, пора расплачиваться, детка!

– Когда кажется – перекрестись, и все пройдет, – все тем же равнодушно-пояснительным тоном бросила Марина. – Извини, родной, но тебе ничего не обломится. – Она устало вздохнула и снизошла до пояснений: – Ты мне не понравился. Ты скучный. Дружки твои придурки, машина – отстой. И целуешься слюняво.

Недокуренная сигарета искристым метеором полетела в снег.

– Совсем оборзела, мелкая? – тихим, злым голосом прошипел парень.

– Борзею не я. Есть у нас в городе одна такая, что борзее. Регулярно. – пробормотала Марина. По ее отсутствующему взгляду было видно, что она уже совсем не думает об угрожающе нависшем над ней парне, а говорит сама с собой. – Но тебе лучше с нею не встречаться.

Парень в ответ нечленораздельно взревел и, ухватив девчонку за плечи, толкнул к стене. Его лицо, синюшное в бликах мерцающей подсветки, надвинулось из полумрака. Смесь запахов сигарет, пива, соленой рыбы, сладковатого коктейля, еще какой-то дряни ударила в нос, вызывая тошнотворный спазм. Его губы растянулись в торжествующей усмешке, он навалился сверху, всей тяжестью больно вдавливая ее лопатками в обледенелые кирпичи...

– Впрочем, со мной тебе тоже здорово не повезло, – все с тем же невозмутимым безразличием обронила девчонка, брезгливо отворачиваясь.

– Уй-я-уй! – отчаянно взвыл парень, прикладываясь физиономией о шероховатый камень стены. Его поволокло назад. – Что? Кто? – парень задергался, как марионетка в руках неопытного кукловода, пытаясь освободиться из хватки нежданного врага. Девчонка, невесть как вывернувшись, стояла в стороне и... смотрела. Всего лишь смотрела на него. Пристально, исподлобья. Ее глаза, только что голубые, теперь мрачно светились гнилой болотной зеленью. Из груди парня вырвался задушенный вопль ужаса – он понял, что его никто, совсем никто не держит! Но и вырваться он не может!

Неведомая сила проволокла его сквозь сугроб и с размаху снова швырнула об стенку. Лицо вспыхнуло, точно его окунули в кипяток. Он опять перепыхал ботинками сугроб... и стена вновь ринулась навстречу!

– Не-ет!

Рука девчонки стремительно метнулась, тонкие пальчики вцепились парню в волосы... Дрыгая руками, он завис всего в паре шагов от стены. Удерживая его, Марина... запустила руку ему в карман:

– Я только на такси возьму, – слегка извиняющимся тоном бросила она, вытаскивая одну купюру. Над остальной пачкой подумала, сожалеющее вздохнула, пробормотала: – Предрассудки, конечно, но что поделаешь... – и вернула обратно. И разжала стиснутые пальцы.

Новый отчаянный вопль ознаменовал очередное столкновение со стеной. Парня швырнуло обратно в сугроб – и снова к стене. Не интересуясь дальнейшим развитием событий, девчонка круто повернулась на каблуках и, лавируя между выставленными на стоянке машинами, направилась к выходу из проулка.

– Эй-эй! Чего это он? – кинулся к ней выскочивший из стеклянной будки охранник, с недоверчивым ужасом глядя, как ее недавний спутник старательно разбегается и со страшным воплем всем телом впечатывается в стену.

– Я ему отказала, – бросила через плечо девчонка.

– И что? – перепуганно спросил охранник.

– Похоже, это его сильно задело. Переживает человек, головой об стенку бьется, – обронила девчонка и пошла дальше.

Охранник некоторое время тупо глядел ей вслед. Шла она очень красиво. На таких высоченных каблуках девчонки обычно ковыляют, но эта двигалась изящно, легко, не цепляясь узкими носками и не застревая в щелях асфальта. Ее голубая курточка и разметавшиеся по плечам белые, как лен, волосы медленно растворялись в темноте.

– Эй, погоди! Сто-ой! – очнувшийся охранник беспомощно оглянулся на методично колотящегося о стенку парня и кинулся следом за девчонкой. С хрустом ломая наледь тяжелыми ботинками, промчался через автостоянку, выскочил из переулка... Освещенная редкими фонарями улица совершенно пуста. Девчонка исчезла. Как на метле улетела!

У мужика все мысли на лице написаны – замершая всего в паре шагов от вертящего головой охранника Марина криво усмехнулась. А неплохо бы сейчас на метлу – вж-жик, и дома! Но с метлой в ночной клуб – не гламурно. И мобильник, как назло, отключился – такси не вызовешь. Она еще раз без всякой надежды поглядела в погасший экран и на цыпочках, чтоб стук каблуков не мешал отводить глаза, двинулась вдоль улицы. Свернула, скрываясь из поля зрения охранника, и замерла в густом, плотном мраке неосвещенного проулка. Почему все суперкислотные клубы обязательно забираются в самую глубину самых грязных, самых темных переулков с самым битым асфальтом? А этот вообще – на краю городской балки! Уступами, точно большая лестница, улица уходила вниз, на дно пересекающего город здоровенного оврага, издавна застроенного старенькими, больше похожими на деревенские домишками. Тьма и тишь, только лениво побрехивают собаки, да мелькают редкие огоньки. Но по другую сторону балки шумит проспект, катят машины, там можно поймать такси... Марина пожала плечами. Ее уж точно никто не обидит! Она высокомерно усмехнулась и стала спускаться.

Дорога уходила все ниже и ниже. Раздолбанный, точно после артобстрела, тротуар перешел в обледенелую грунтовку. Одноэтажные домики-коробки под железными крышами сменились ободранными саманными хатами, похожими на спящих в подворотне нищих. Во дворах, побрякивая цепью, возились псы – иногда лениво, для порядка, тьякали, заслышав проходящую мимо девочку. Перебирая ногами брезгливо, как кошка лапами, Марина обо-

гнула прихваченную тонким ледком кучу какой-то гадости. Фонарей не было вовсе, но из окон низеньких домов падали яркие прямоугольники света, и Марина запрыгала по ним, как по желтым коврикам – с одного на другой. Кое-где окна не светились, зато по покрытой белой наледью дороге пробегали цепочки разноцветных отсветов – самые нетерпеливые любители новогодних гирлянд уже развесили их по стеклам. Световое шоу для бедных. Марина презрительно дернула уголком рта.

Хруп-хруп-хруп – слежавшийся снег едва слышно хрустел под каблуками. Хруп-хруп. Хруп.

Марина резко остановилась и, наклонив голову, стала вслушиваться в царящую вокруг сонную тишину. Лняные волосы скользнули по плечу, розовые от мороза уши, казалось, настороженно двигались, точно два локатора, – туда... сюда... Она слышала все – плач младенца за соседним забором, старческое перханье домом дальше, скандальное семейство наискосок и мурлыканье пригревшийся кошки на чердаке. Позади – ничего. Ни шороха, ни дыхания. Пожав плечами, девочка двинулась дальше.

Хруп-хруп-хруп...

Хруп.

Марина стремительно обернулась. На один краткий, почти неуловимый миг поперек светлого окошка на снегу легла тень. Крупная и плечистая – парень... И мгновенно исчезла, точно кто-то отпрянул во тьму. Неужели этого... на всю голову стукнутого... от родной стенки уже отлепили? Вряд ли... Скорее охранник... Вот уж энтузиаст своего дела! Надо от него быстрее избавиться. Хозяйка очень не любит, когда ее девочки встречаются в неприятности.

Марина невольно поежилась и принялась снова вглядываться во мрак. Странно. Она могла поклясться, что рядом ни одной живой души! Ла-адно, поглядим... Марина зашагала по проулку.

Хруп-хруп... Теперь эхо чужих шагов за спиной слышалось совершенно отчетливо. Кажется, преследователь перестал скрываться, шаги раздавались все ближе, постепенно нагоняя девочку. Марина невольно пошла быстрее. Не бежать, только не бежать...

Сейчас! Она выпрыгнула из светового прямоугольника в кажущуюся еще более плотной мглу, припала на колено, и наманикюренные острые ноготки заскребли плотную снежную корку на тротуаре. Несколько сухих, точно искусственных, снежинок остались у нее на ладони. Марина пружинисто распрямилась и, вытянув губы трубочкой, длинно подула:

– Фью-у-у-х!

Закрученный штопором вихрь колючей поземки сорвался с ее ладони, словно там было не несколько пересушенных морозом снежинок, а все снежные запасы нынешней зимы. Развернулся в косматое белое полотнище и понесся вдоль улочки, перекрывая ее от стены к стене.

Сквозь плотное мельтешение снежинок на Марину глянули черные провалы глаз. Липнувший снег прорисовал нос и... раззявленную в беззвучном крике дыру рта! Проступили широкие плечи, грудь... Фигура рванулась, выдираясь из белой пелены, и прямо к Марине метнулся очерченный снегом призрак. В руке у него блеснула полоса стали, широкая, как кухонный нож!

– Ха! – крикнула беловолосая ведьма, с силой ударя каблуком в землю. Вызванный ею снежный вихрь мгновенно сгустился – и тяжеленным сугробом обрушился на голову преследователя, погребая его под собой.

Бух! Это походило на взрывное устройство, сработавшее под грудой подушек. Снежный пух разметало во все стороны, а из середины раскученного сугроба с ревом поднялось нечто громадное, жуткое, вроде вставшего на дыбы белого медведя. И широкое, с ладонь, лезвие по-прежнему отблескивало в неверном свете.

Марина с испуганным писком кинулась прочь. И остановилась. Спокойно, только спокойно. Она аккуратно выровняла дыхание – глаза начали медленно разгораться зеленью. Ее не увидят. Она так хочет, и так будет – ее никто не видит, она исчезла, проулок совсем-совсем, ну абсолютно пуст. Нету тут никого, ясно тебе, тварь! Ступая совершенно беззвучно, Марина скользнула за спину чудовищу и принялась обходить его по широкой дуге... Оно круто повернулось следом. Плотное облепленное снегом лицо, точно гладкая, без единого отверстия, маска, слепо уставилось на девочку – а кончик ножа смотрел точно ей в грудь. Марина судорожно вздохнула и вжалась спиной в стену. Вот теперь ей стало страшно.

– Котику-котику, котик биленький...

Марина не сразу поняла, откуда доносится жуткий, задушенный шепот – снеговая маска по-прежнему оставалась гладкой и неподвижной. Казалось, шепот шел со всех сторон, отталкивался от выщербленных стен, сочился из поскрипывающих на морозе изломанных голых ветвей, холодным туманом стлался у ног...

– Котик биленький, не лизь на колоду...

Гладкая маска вдруг нависла над ней – облепленное снегом существо сделало длинный скользящий шаг, оказавшись совсем рядом с Мариной.

– Бо поранишь лапку...

Нож сверкнул льдистым прочерком... Марина хрипло заорала и кубарем выкатилась из щели между тварью и стеной. Тяжело дыша, она сидела на обледенелой грунтовке. Руку жгло. Она поднесла к глазам дрожащие пальцы. На располосовавшем тыльную сторону ладони длинном порезе медленно, одна за другой набухали кажущиеся черными кровавые капли.

– Поранишь лапку, буде болиты...

Медленно и плавно, как в замедленной съемке, чудовище повернулось к девочке. Марина резко тряхнула пораненной рукой – капли крови оставили на снежной наледи черные пятна. Начали расползаться, все шире и шире, послышался запах гари – пятна вспыхнули, огненной цепочкой отделяя преследователя от жертвы.

Все тем же плавным скользящим шагом, точно в японских мультиках, тварь просочилась сквозь пламя – облепивший ее снег даже не зашипел. Лезвие ножа больше не сверкало – оно было покрыто кровью!

– Помогите! – сдавленно крикнула Марина и уже громко, во весь голос завизжала. – Помогите! Убивают!

Окрестные дома оставались все такими же тихими – светятся окна, из распахнутой форточки вьется сигаретный дым, слышатся обрывки неспешного разговора и звяканье посуды.

– Буде болиты, та нема кому жалиты... – издевательски прошелестел шепот.

Острие ножа колючей звездой сверкнуло у самых глаз.

– А-а! – Марина перевернулась на четвереньки, поползла, раздирая колготки, вскочила и кинулась бежать, не разбирая дороги. Мерзлая грунтовка трещала под ногами, каблук подламывались...

– Лапка болиты, та нема чим завертиты[Перевязать.]...

Шепот звучал в ушах, точно преследователь скользил рядом с ней.

– Була одна хустыночка[Платочек.], да й ту взяла Мариночка...

Ответвляющийся от улицы темный проулок вспыхнул белизной, и нож ударил из мрака, целясь пропороть девочке бок. Марина вскрикнула, вильнула на бегу... Кончик ножа чиркнул по бедру, располосовал юбку. Сочащаяся из пореза кровь пропитала колготки. Острая боль. Марина споткнулась, раненая нога подломилась, она упала, больно расшибая коленки и ладони. Всхлипывая, поднялась, поковыляла дальше.

– На шматочки поделила да все хлопцам роздарила...

За спиной ей почудилось резкое движение воздуха, и она прынула вперед. Нож просвистел над головой. Медленно кружась, на землю упало несколько срезанных льняных прядей.

Грунтовка под ногами вдруг точно провалилась, посыпались камешки, и Марина кубарем полетела с невысокого обрывчика, с хрустом проломила тоненькую ледяную корку и рухнула в текущий по дну балки мелкий ручеек. От ледяной воды перехватило дыхание.

Над кромкой обрыва выросла белая фигура. Лишенная всяких черт снежная маска внимательно и в то же время равнодушно глядела на окровавленную девочку в воде.

– Станут хлопцы слезы утирать, за Маринкой сумовать...

– Не-ет! – Марина отчаянно заскребла каблуками по дну, отползая от надвигающегося существа. Извернулась, вскочила, побежала, разбрызгивая воду...

Посреди ручья проклюнулся плотный водяной купол, как бывает у поднимающейся со дна струи фонтана, и, медленно вырастая, белая фигура воздвиглась перед ней. Вода забурлила вокруг щиколоток, подсекая ноги, и девочка рухнула на колени. Нож взметнулся над ее головой.

– Какого черта тебе надо? – захлебываясь слезами, прокричала Марина.

Фигура скользнула ближе...

– Ничего не маю проты чортив, – неожиданно прогудел почти обычный, почти человеческий голос. – Тилькы вас, видьом, ненавиджу.

Гладкая снежная маска захрустела, разламываясь. Комья смерзшегося снега с бульканьем посыпались в воду, открывая спрятанное под ними лицо.

Марина страшно, истошно закричала.

Белый лунный луч ударился в прынувшее навстречу лезвие и исчез, словно в ужасе метнулся прочь. В груди у девочки стало холодно-холодно, как-то тесно, точно туда вонзилась толстая, истекающая талой водой сосулька. А потом сразу невыносимо жарко, будто развели огонь. Тело выгнуло дугой, голова запрокинулась к дышащим холодом небесам, утыканным острыми ножами звезд. Горячая сосулька провернулась в груди, топя весь мир в невыносимой вспышке боли...

Среди звезд мелькнула крылатая тень и с яростным лаем рухнула с небес. Небеса пахли мокрой псиной и борщом.

Двумя часами раньше

– Не ест. – Заключила Ирка.

– Не ест. – Мрачно согласилась Танька.

– В первый раз вижу, чтоб эта скотина от жратвы отказалась, – задумчиво сказала Ирка, разглядывая высокомерно восседающего посреди комнаты кота и выложенные на табуретке два сиротливых вареника.

Здоровенный пестрый зверь лишь зевнул в ответ, открывая неслабые клыки, задрал лапу и принялся вылизываться, всем своим видом выражая презрение.

– Может, это от того, что мы с тобой на семь лет заклеты замуж не ходить? – продолжала рассуждать Ирка.

– Ну и что? – пожала плечами Танька. – Семь лет в нашем возрасте – не фатально. Я, пока универ не закончу, замуж не собираюсь. Что нам по этому поводу уже и погадать нельзя? Ты хоть представляешь, сколько с меня на книжном рынке за эти рождественские обряды слупили? – спросила Танька, потрясая книгой в потрескавшемся переплете с пожелтевшими от времени, махрящимися по краям страницами – на вид никак не меньше ста лет фолианту. – А твой кот вареники не жрет! – грозно уперев руки в бока, Танька нависла над котом. – Кот должен есть вареники! – в такт потрясая пальцем перед черным кошачьим носом, внятно и раздельно провозгласила Танька. – Чей вареник он первым съест, та первая и замуж пойдет!

Кот скосил на Таньку желтый круглый глаз, раскорячил задние лапы самым непотребным образом и принялся вылизывать мохнатое пузо.

– Ну или пес, пес тоже годится, – глядя в книгу, пробормотала Танька.

– О, так давай я перекинусь, и все дела! – немедленно возрадовалась Ирка. – А то если их немедленно не съесть, совсем засохнут! – разглядывая уже пожелтевшие по краям вареники, прикинула она.

– Ты не годишься! – отрезала Танька. – Ты нарушишь чистоту эксперимента!

– Можно подумать, я напишу на ковер! Я даже в человеческом облике такого не делаю! – обиженно пробормотала Ирка и уселась на этот самый старый облезлый ковер, потурецки поджав ноги.

Танька лишь гневно фыркнула и под истошный вопль пружин плюхнулась на продавленный Иркин диван, отгородившись от всего мира своей ценной книгой. Помолчали. Ирка стянула сваренные для гадания вареники и, чтоб никому не обидно, засунула в рот сразу оба.

– Так, – отбрасывая книгу, провозгласила Танька. – Где борщ? – лицо у нее стало невероятно решительным.

Мощным глотком отправив вареники в желудок и чувствуя, как они толкаются боками, пробиваясь вниз по пищеводу, Ирка сдавленно проперхала:

– Ужинать будем? Давно пора!

– Какое ужинать? – возмутилась Танька. – Ирка, Рождество бывает всего раз в год! Вся рождественская магия только сейчас и работает! Что нам потом, целый год ждать, потому что кот твой, видите ли, вареники не ест? – она неодобрительно покосилась на животное. – А ты, наоборот, только о еде и думаешь!

– Я сегодня, между прочим, не завтракала! – снова надулась Ирка. – Проспала, в школу летела как сумасшедшая, потому что некоторым... – она выразительно поглядела на Таньку, – вчера полночи приспичило рушники вышивать!

– Все дни перед Рождеством расписаны – каждый для своей магии! – наставительно подняла палец Танька. – На святую Варвару вышиваются самые сильные обереги! Неужели ты не понимаешь? Лучше один день потратить на вышивание, зато пото-ом... – мечтательно протянула она. – Вот представь, наедет на нас очередная злобная ведьма, а у нас оберег готов! На отвращение болезней или на защиту от напастей. Или просто на счастье-достаток...

Ирка молча поднялась и вытащила из шкафа то ли очень узкое полотенце, то ли широкую ленту с грубо обчищенными ножницами краями.

– Скажи, пожалуйста... – вкрадчиво поинтересовалась она, – от какой конкретно напасти может оберечь вот *это*? От массовой агрессии потрошенных куриц во главе с обожравшимся колобком?

То, что ярко-алой ниткой было вышито на полотенце, напоминало не куриц, пусть даже потрошенных, а скорее взбесившихся тараканов. А вот колобок и впрямь присутствовал – вроде бы по центру, хотя и с легким перекосом вправо. Поперек физиономии у него красовалось нечто вроде кривой кровожадной ухмылки, будто он только что съел зайца с волком и лисой закусил.

– Это не колобок! – обиделась Танька. – Это символ солнца! И петухи... – еще немного поглядела на обтерханную тряпку и наконец согласилась: – Ладно, вышивание – действительно не самая сильная моя сторона. Зато борщ я сварила очень даже нормальный, по кулинарной книге. – Она подтянула к себе рюкзак и вытащила из него банку с булькающей темно-красной жидкостью, расчерченной полосками капусты.

– А у меня к нему пампушки с чесноком! – как лучшему другу, обрадовалась борщу Ирка.

– Это не для еды! – отдергивая банку от ее протянутых рук, высокомерно фыркнула Танька. – Это для гадания на свою долю! На судьбу! Быстро одевайся и пошли!

– Хорошо хоть бабка в свой санаторий укатила, – пробурчала Ирка, одной рукой пытаюсь удержать завернутую в тряпки банку с борщом, а второй запереть рассохшуюся дверь старого дома. Гибко, как шелковая лента, кот просочился сквозь форточку в сад и теперь сидел на голой подмерзшей ветке, наблюдая за Иркиными усилиями, – лишь глаза в темноте мерцали ехидным желто-зеленым огнем. – Черта с два она бы нас ночью на улицу выпустила!

– Обязательно ночью! – убежденно сказала Танька. Девчонки зашагали по улице, мелкие камешки обледенелой грунтолки звучно хрупали под подошвами. – На перекрестке дорог поставить борщ или кашу и прокричать: «Доля, доля, иди до мэнэ вечеряты!» – она человеком обернется и начнет есть, вот и увидим, симпатичная судьба или паршивая какая! А еще по дороге первого встречного надо спросить, как его зовут – так и будущего мужа звать будут!

– Встречных пока не наблюдается, – пробормотала Ирка, оглядывая совершенно пустые, погруженные в темноту улицы. Фонарей в их балке сроду не водилось, лоскуточки света падали только из редких освещенных окон. В морозном воздухе пахло помойкой и приближающимся Новым годом. – Этот перекресток тебе сойдет? – останавливаясь на углу двух кривых улочек, спросила она.

– Наверное, – согласилась Танька. Решительно выбралась на самую середину дороги и принялась выпутывать из тряпок свою банку.

Плотная крышка отошла с тугим чмоканием...

– Ай! – от толчка банка дернулась, и горячий борщ плеснул Ирке на руку. Хорошо хоть не кипятки. – А греть его было обязательно? – посасывая палец, пробубнила она.

– От доли, которая на холодный борщ согласится, я сама убегу, – резонно возразила Танька.

Стоя над банкой, девчонки нерешительно переглянулись. Забывая все остальные запахи, в воздухе одуряюще пахло горячим борщом.

– Давай ты, – подталкивая Таньку локтем, почему-то шепотом сказала Ирка.

– Ну давай, – смущенно согласилась Танька. Вытащила из кармана ложку, аккуратно уложила поверх банки. Потопталась, нервно сцепив пальцы, точно собирающаяся запеть детсадовка. – Доля. Доля... гхм... кха-кха... щас... вот... Доля-доля! Иды до мэнэ вечеряты! – так, что, наверное, до проспекта донеслось, проорала она.

За соседним забором залаял переполошенный пес.

– Интересно, если сейчас сосед с берданкой выскочит – это и будет наша с тобой доля? Одним залпом обеих, – ковыряясь в ухе, спросила почти оглохшая Ирка.

– Молчи! – цыкнула Танька, напряженно вглядываясь в темноту.

Никого. Вокруг по-прежнему тихо. Наконец невдалеке послышался рокот мотора, и по грунтолке заскользили желтые конусы фар.

– По крайней мере твоя доля на машине едет, – чуть подрагивающим голосом заключила Ирка.

Из-за угла светлым призраком вырулил белый «БМВ».

– На подержанной! – приглядевшись, разочарованно протянула Танька.

Девчонки неподвижно стояли посреди дороги, жадно всматриваясь в надвигающуюся из темноты машину. Очень-очень медленно, переваливаясь, как всегда ездили по их дороге, «БМВ» приблизился... Сбросил скорость и остановился. Темное на светлом – боковое стекло беззвучно поползло вниз, открывая еще более темный провал салона. Девчонки зачарованно подались навстречу загадочным глубинам...

Дядька лет пятидесяти высунул из окна лысую голову. Некоторое время все трое молча пялились друг на друга – дядька на девчонок, те на него.

– Девки, – наконец задушевно сказал дядька. – Вы чего с борщом на проезжей части делаете?

Ирка сдавленно хрюкнула и, схватившись за живот, согнулась пополам от беззвучного хохота.

– Я... Мы... В общем... – забормотала Танька, похоже, насмерть озадаченная вопросом своей предполагаемой «доли». – Извините, а как вас зовут? – наконец выпалила она, видно, решив выяснить хотя бы имя будущего мужа.

Дядька тяжело вздохнул:

– Видите ли, девочки... Я родился в 1961 году. Мой папа был в таком восторге, что Гагарин полетел в космос...

– Вы Юрий? – подпрыгивая от нетерпения выпалила Танька.

– Если бы! Я – Уюркос. Сокращенно от «Ура, Юра в космосе!». Уюркос Петрович, – уныло закончил он.

Этого Ирка уже не могла выдержать. Она повисла на заборе, подвывая от хохота.

Похрустывая шинами по грунтовке, «БМВ» тронулся с места и, аккуратно миновав застывшую над борщом Таньку, покотил прочь.

– Уюркос Петрович на подержанной «бэхе»! Спасибо за такую долю! – потрясая кулаками, выпалила Танька и со всей силы пнула банку. Кроваво-капустной струей борщ выплеснулся на грунтовку.

– Продукт-то зачем переводить? – все еще всхлипывая от смеха, выдавила Ирка.

– Ладно, – сквозь зубы процедила подруга. – С гаданием не вышло. Может, и правда нам еще рано про свадьбу думать? Точно, никаких больше свадеб! – твердо заключила она.

Ирка облегченно вздохнула – наконец-то!

– Подумаем просто о парнях! – объявила Танька, подняла с земли опрокинутую банку, встряхнула из нее остатки борща и решительно зашагала в темноту.

– А может, пошли домой поужинаем? – жалобно окликнула ее Ирка.

Танька ухватила Ирку за руку и поволокла за собой:

– И это говорит самая сильная ведьма в мире! – укоризненно бубнила подруга. – Неужели ты не хочешь выяснить, как все работает?

– Я есть хочу! – насупившись, повторила Ирка. – И с чего ты взяла, что я самая сильная ведьма в мире? – поинтересовалась она, волочась за Танькой на вытянутой руке – как скукающий малыш за увлеченной шопингом мамашей.

– Потому что это логично! – отрезала Танька. – Вряд ли найдется другая рожденная ведьма полубожественного происхождения, да еще умеющая превращаться в крылатую борзую!

– Ты еще вспомни, как я вампиршей была! – недовольно пробурчала Ирка. – И вообще, парень у тебя есть – зачем тебе гадать?

– Кто у меня есть? – Танька аж притормозила.

– Как кто – а Богдан?

– С ума сошла – нужен он мне! – немедленно возмутилась Танька. – Он меня на год младше! – цепляясь за обледеневшие ветки, она принялась спускаться по обросшему кустарником склону.

– Не на год, а на какие-то несчастные шесть месяцев, – педантично уточнила Ирка.

– Чушь собачья! – отчеканила Танька.

– Слушай, я же насчет того, что у тебя новые джинсы на талии не сходятся, не прохаживаюсь! – теперь возмутилась уже Ирка. – Вот и ты могла бы помолчать... насчет собак.

– Они вот-вот сойдутся! Я третий день на одних яблоках сижу!

– Ага, сама не ешь и мне не даешь!

– Ворчишь, как твоя бабка! – фыркнула Танька. – Успокойся, голодающая, мы уже пришли! Сейчас все сделаем и обратно пойдем.

– Счастье-то какое неземное! – и правда похоже на бабку проворчала Ирка. – И как мы тут будем гадать?

Они стояли у ручейка, пересекающего дно старой городской балки. Края замерзли, но поток оказался слишком быстрым и теперь струился черной лентой между толстыми белыми ледяными бережками.

– Гадание – всего лишь попытка пассивно заглянуть в будущее, без всякой возможности на него повлиять! – презрительно скривив губы, сообщила Танька – будто не она еще пятнадцать минут назад гадала на долю. – А мы будем парней привораживать!

– Не хочу! – пробубнила Ирка, испуганно втягивая голову в плечи.

– Не поняла – это еще почему?

– Ну-у... Ты ж сама говоришь: я ведьма... и оборотень. Какому парню понравится, что девчонка в любой момент может перекинуться в летающее чудище, способное перекусить его пополам?

– Как говорит моя мама – а зачем мужчинам знать наши маленькие секреты?

– Ничего себе маленький!

Танька невольно кивнула – да уж, когда Ирка перекидывалась, собачина получалась с хорошего теленка!

– Тем более! Наверное, наши предшественницы, наднепрянские ведьмы, для того привороты и придумали. Чтоб девушки вроде нас – с лишними килограммами, ну или с когтями-зубками – могли свои проблемы решать, – рассудительно объявила Танька. И, явно считая вопрос закрытым, огляделась. – Так, сперва нужно набрать воды там, где сливаются вместе струи трех источников.

– Где ты тут видишь три источника? – спросила Ирка, озадаченно глядя на один-единственный ручеек.

– Ха, все продумано! – хмыкнула Танька. – Гляди! – заставляя Ирку пригнуться к самой воде, она ткнула пальцем.

В ледяную корку вмерзла ржавая железная труба, из которой в ручей тонкой струйкой стекала такая же ржавая вода.

– Танька, ты уверена? – спросила Ирка, с сомнением разглядывая выплывающие из трубы хлопья желтоватой пены. Может, мыло. А может, и нет. – В любом случае, третьего источника тут нет.

– А это что? – с торжеством объявила Танька, указывая на стояк водной колонки на противоположном берегу. Кран со скрежетом повернулся, и в ручей брызнула коричневая струя. Аккуратно примерившись, Танька зачерпнула воды в банку. Вытряхнула из рюкзака миску и два скрученных из газеты факела.

– Значит, так! Я держу факелы... – тоном верховного главнокомандующего, сообщающего генералам диспозицию будущей битвы, объявила Танька. – А ты льешь из банки воду в миску, чтоб она прошла между двумя огнями, и читаешь вот это! – и она сунула отпечатанный на принтере лист.

– Что я тут разгляжу? – возмутилась Ирка, подставляя листок под неверный лунный свет.

– Сейчас все будет! – успокоила Танька, устанавливая посудину на скользкий бережок и выкапывая из рюкзака зажигалку.

Она присела на корточки, держа над миской толстые факелы. Ирка поглядела на подругу скептически:

– Если нас кто увидит – «Скорую» вызовут.

– Никого тут нет, – буркнула Танька.

– Ну да, других таких дур, в темноте по балке шляться, не сыщешь! – недовольно пробормотала Ирка. Точно желая подтвердить Иркины слова, луна упаковалась в черные тучки. Буквы на листке словно растаяли, сливаясь с мраком. – Тань, может, пойдём? – жалобно попросила Ирка. – Пока у меня ноги совсем не отмерзли!

– Ничего, сейчас согреешься! – хмыкнула Танька. Кончик газетного факела занялся от огонька зажигалки, начал чернеть, обугливаться, прихватился багрово-алой каемкой – и вдруг вспыхнул нестерпимо ярко, роняя искры и окуривая девчонок черным дымом.

– Читай быстрее! – завопила Танька, нависая с горящими факелами над миской – губы у нее подергивались, видно, сильно тянуло жаром.

Ирка торопливо засутилась, неловко ухватила банку с водой и поднесла листок с заклатьем поближе к огню...

– На синему мори, на широкому доли, на чужому простори... – шурясь от мельтешащего света факелов, забормотала она. Холодная банка чуть не выскользнула из рук, но Ирка ухитрилась ее подхватить, и струя воды скользнула между языками пламени, со звоном ударив в эмалированное дно.

– Лютый змей живе... – Ирка на мгновение замешкалась. Змей? Ох, не любит она заклятий со змеями!

– Читай, а то у меня сейчас маникюр сгорит! – взвизгнула Танька.

– Лютый змей живе, хвостом воду бье... – неуверенно продолжила Ирка. – Ай! – она едва не шлепнулась на лед. Показалось, или впрямь бережок накренился, как карусель-центрифуга на аттракционах? Из немыслимого далека донесся едва слышный, но несомненный рев. До боли напоминающий рев крылатого змия, что гонялся за Иркой по древнему храму на острове Хортица. Раздался удар – точно гигантским хлыстом по воде.

– Танька, ты слышала?

– Читай, кому говорю! – судорожно перхая от бьющего прямо в лицо черного дыма, чуть не в истерике завопила подруга.

– Змию-змию, тэбэ кличу, воду зычу[Одалживаю.]... – забубнила Ирка. Огонь факела дернулся, облизывая край листка. Тот затлел, загибаясь черно-коричневой горелой кромкой.

– Вода, вода, не будь мени ворогом, а будь мени соколом... – продолжала бормотать Ирка...

Листок у нее в руках вспыхнул весело и яростно, расцветая по краям жаркими оранжево-желтыми лепестками.

– Щоб була я для парней красивишаю, всех девчат милишею! – проорала Ирка последнюю строчку и отшвырнула листок. Оставляя за собой желто-черный шлейф пламени и дыма, тот легко спланировал в ручей и зашипел, погаснув.

Рядом взвился столб пара – Танька с размаху ухнула горящие газеты в миску.

– Ну во-от! – удовлетворенно протянула она, извлекая размокшие газеты из воды и отбрасывая их прочь. – А теперь умывайся! Ты первая!

– А почему я? – Ирка с сомнением поглядела на миску – по поверхности плыли черные хлопья горелой газеты.

– Потому что я гадала на долю! – резонно возразила Танька.

Ирка зачерпнула горстью и плеснула в лицо чуть теплой воды, сильно отдающей железом.

Взревело снова! Рев больше не казался отдаленным, ревело совсем близко, может, прямо над обрывчиком у ручья. И было в этом реве яростное торжество, как... как у заходящего на цель бомбардировщика в военных фильмах!

– Танька, ты что, опять не слышишь? – судорожно озираясь по сторонам, спросила Ирка. Луна, как по заказу, выкатилась из-за туч, посеребрив темную воду ручья и заставив мерцать лед. Никого. И снова тишина, только слышно, как Танька в миске хлюпается.

– Ничего я не слышу, что ты выдумываешь! – невнятно пробурчала та. Клочок горелой бумаги черным пятнышком прилип у нее ко лбу. – От этой воды все парни будут считать нас красавицами! А если на кого конкретного нацелимся, надо ему немножко подлить – и он сразу влюбится. – Аккуратно, стараясь не пролить ни капли, она принялась переливать воду из миски обратно в банку.

– Но на свидание не придет – потому как безвылазно засядет в туалете, – заглядывая в банку, пробормотала Ирка – перелитая вода была явно мутновата.

Танька только презрительно фыркнула:

– Вот завтра пойдешь в школу – сама во всем убедишься! – объявила она.

– Завтра у меня полугодовая контрольная по алгебре. А я опять не выспавшаяся и... – Ирка вздохнула с печальной покорностью. Нечего себя обманывать: когда она что-то видит, слышит или предчувствует, это всегда значит только одно – вот-вот начнутся очередные колдовские неприятности. Нет, ну какого черта-лешего, до Нового года две недели, а до каникул и того меньше! И Новый год какой хороший намечался! Бабка, наконец, укатила в вожделенный санаторий – городской собес выделил ей десятипроцентную путевку (Ирка сильно подозревала, что, поднажми бабка еще, работники собеса даже доплатили бы – лишь бы отвязалась!). Дом остался в Иркином распоряжении. Танькины родители, раньше увозившие ее на праздники за границу, из-за кризиса решили ограничиться походом в ресторан, а Таньку отпустить к Ирке. Ну и Богдан у своих отпросился. Танькина идея перепробовать все предрождественские, новогодние и рождественские чары и гадания сперва казалась по-настоящему прикольной! И вот, пожалуйста, опять что-то назревает! Если бы Танька в своем привороте к змию не обращалась! Там, где мелькает хоть кончик хвоста этих скользких тварей, обязательно жди подлянки!

От злости Ирка со всей силы топнула по ледяной корке у ручья. Раздался громкий хруст, кромка обломилась. Переливающая приворотную воду Танька неловко дернулась – и банка выскользнула у нее из рук. Почти вся приворотная вода разлилась по берегу – осталось лишь совсем чуть-чуть, на самом доньшке.

– Я умыться не успела! – подхватывая с земли банку с жалкими остатками, истошно завопила Танька. Берег под ногами дрогнул снова. Танька взмахнула руками, точно собралась взлететь без метлы, отчаянно засучила ногами и плюхнулась в ручей.

– Тань! – охнула перепуганная Ирка, кидаясь к подруге. Вода ледяная, простудится!

Но Танька уже с испуганным воплем вылетела на берег:

– Ирка, вода! Она горячая!

Ручей закипал. По течению скользнула цепочка пузырьков. Крохотные пузырьки начали всплывать со дна, лопааясь у ног девчонок, их становилось все больше, больше – ручей забулькал, как поставленная на огонь кастрюля. Кипящая вода яростно металась, облизывая ледяные берега, и те окутывались белыми облаками пара, истекая талой слезой. Ирка шарахнулась назад – похожий на змею водный хлыст взметнулся из ручья и попытался подсесть ее под щиколотки. Разочарованно шипя, утонул назад, оставляя во льду проплавленную полосу.

– Не-ет! Какого черта тебе надо! – где-то наверху по течению страшно, как перед смертью, закричала девчонка.

– Там! – выкрикнула Ирка, прыгая прямо в ручей.

– Я ничего не слышу! – завопила в ответ Танька, но тело подруги уже замерцало изумрудно-зеленым огнем и вытянулось, меняя очертания. Лапы громадной борзой едва коснулись кипящих волн – за гладкой черной спиной распахнулись широкие крылья. Рубя крыльями воздух, Хортица понеслась вверх по течению...

Оскальзываясь и разбрызгивая воду на талом, как по весне, льду, Танька побежала за ней. Голые ветки кустов с оттяжкой хлестали ее по лицу, рюкзак прыгал за спиной, банка с

остатками приворотной воды скакала внутри и отчаянно булькала. Ну почему они не взяли хоть одну метлу, сейчас бы взлетела, и все! Ноги у Таньки разъехались, и она кубарем пока-тилась к воде. Изо всех сил затормозила ладонями – сейчас как свалится в кипяток...

Темный ручей был совершенно спокоен. Крупные снежные хлопья, как от развалившегося снеговика, плавали в черной воде. Ирка, снова в человеческом облике, сидела посреди ручья. На руках у нее лежало безвольное тело девчонки. Белые, как лен, волосы полоскались в воде, а на груди медленно, но неумолимо расплывалось кровавое пятно.

– Это же Маринка! Рóбленная Оксаны Тарасовны! – охнула Танька, падая рядом на колени, и лихорадочно зашептала заговор на затворение крови.

– Здесь кто-то был, – глухим, напряженным голосом сказала Ирка. – И исчез, как только я налетела. Не убежал, понимаешь? Исчез.

– Все-таки «Скорую» вызывать придется, – отнимая руки от раны, буркнула Танька. Кровь перестала течь, но Танька понимала, что ненадолго.

– Не проедет, – оценивающе оглядывая обрывчик над рекой и грунтовку за ним, покачала головой Ирка и, аккуратно перевалив бесчувственную Марину Таньке на руки, опустилась на четвереньки. – Закидывай ее мне на спину и полетели – так быстрее!

1

Тяжело зимой нудистам

– Как думаешь, выживет? – глядя на плотно закрытую дверь с круглым окном-иллюминатором, за которой скрылась каталка с Мариной, тоскливо спросила Танька.

Ирка только нервно повела плечом – откуда ей знать? У нее болели руки. Пикировать прямо к больничному подъезду было бы совсем глупо – а от крохотного темного дворика, где она снова перекинулась в человека, Марину пришлось тащить на руках, и с каждым шагом тело девчонки становится все тяжелее и тяжелее. На входе путь перегородил стол, за которым восседала тетенька необъятных размеров – белый халат так туго натянулся на груди, что круглые желтые пуговицы, казалось, сейчас отлетят и расстреляют посетителя картечью. Двигая челюстями с меланхоличной неторопливостью, как корова на лугу, она пережевывала плюшку. Тетенька лениво приподняла веки, перегнулась сперва через собственный живот, потом через стол, поглядела на бесчувственную, залитую кровью Марину и поинтересовалась:

– Чего вам, девочки?

У Ирки появилось непреодолимое желание стукнуть ее хоть чем... хоть вот Мариной!.. по закрученным в высокую прическу крашеным волосам. Положение спас выскочивший из ординаторской средних лет мужик в синей хирургической форме. Бросив на тетку ненавидящий взгляд, он выхватил Марину у девчонок, наскоро осмотрел рану – и тут же тусклые больничные коридоры наполнились топотом ног. Через мгновение Марина уже лежала на каталке, из вены у нее торчала капельница. Со звоном и грохотом девочку увезли прочь. Хирург рысью поспешал следом.

– Пошли, что ли? – нерешительно предложила Ирка, невольно ежась, – больница была до краев наполнена сильным и едким запахом беды. Точно гигантская шкатулка, под крышкой которой клубились боль, бессилие, отчаяние, лишь кое-где перебиваемое короткими, как вылетевшие из костра искры, вспышками радости и надежды.

Танька отрицательно покачала головой:

– В больницах лекарств нет – надо сразу покупать. Если, конечно... – она не договорила, но и так ясно – если лекарства вообще понадобятся. Если Марина выживет.

Ирка невольно пожала плечами: вот уж не предполагала, что они будут заботиться – о Марине! Ирка не испытывала симпатии ни к беловолосой робыленной ведьмочке, ни к ее элегантно-стервозной рожденной хозяйке. Кстати, о хозяйке...

– Может, Оксану Тарасовну найти? – предложила она.

– А ты ее телефон знаешь? – оживилась Танька.

Ирка покачала головой. Она собиралась искать Оксану Тарасовну через зеркало, но... покосилась на буравящую их неприязненным взглядом толстуху в белом халате. Не здесь же!

– В больнице должен быть банкомат, – вытаскивая из внутреннего кармана куртки пластиковую карточку, пробормотала Танька.

Тетка за столом мгновенно поджала губы в куриную гузку. Судя по заблестевшим глазам, вообразила, как Танька сейчас спросит, а она в ответ сообщит, что «она не справочное бюро». Танька поглядела на нее, улыбнулась с коварством настоящей ведьмы – и вышла. Не спросив.

Ирка прикинула к стеклянной двери приемного отделения и стала смотреть, как Танька пересекает заснеженный больничный двор. Вряд ли напавший на Марину убийца караулит поблизости, но когда подруга на глазах – спокойнее.

С воем ворвавшись во двор, тяжелая туша «Скорой» закрыла подругу. Машина подрулила к дверям «приемного» – от мигалки на крыше по снегу развернулся веер синих огней. Двери «Скорой» с грохотом распахнулись – и в мерцающий бело-синий снег вывалился совершенно голый парень.

– Да что ж ты... совсем на ногах-то не держишься! – испуганно-раздраженно гаркнул санитар в белом халате, выпрыгивая следом и хватая парня за плечи. У того вырвался хриплый крик боли, и он скорчился в снегу, прижимая колени к груди.

– Ах ты ж!.. – расстроено чертыхнулся санитар, торопливо разжимая руки и пытаясь подхватить парня под локоть. – Вставай, сынок, еще пара шагов... Там тебе помогут!

Выскочивший из кабины врач подпер несчастного с другой стороны, и они поволокли его к «приемному». Стеклопанная дверь едва не съездила Ирке по носу. Голый парень с трудом перебирал ногами, обвиснув на провожатых. Голова бессильно упала на грудь, длинные, почти до плеч, и насквозь мокрые волосы болтались сосульками, закрывая лицо.

– Это что за безобразие такое? – глядя на голого, завопила тетка. Халат затрещал на ее вздымающейся груди, норовя вот-вот начать обстрел пуговицами.

Врач «Скорой помощи» лишь скользнул по ней беглым взглядом – они с санитаром аккуратно сгрузили парня на кушетку рядом с Иркой.

– У нас еще два вызова, так что зовите дежурного, – отрывисто бросил врач. – Вероятно, обморожение – его выловили в воде, в сточном коллекторе, – и они с санитаром торопливо зашагали на выход.

– В барах понапиваются, наколются, нанюхаются, – а мы их лечи! Вот вам современная молодежь! – со злобным удовлетворением в голосе отчеканила тетка и, яростно шурша, принялась заполнять казенного вида бумаги.

С кушетки донесся тихий стон. Ирка испуганно обернулась. И поняла, что парень всего на два, ну на три года старше ее! Просто высокий и худой очень, отчего кажется еще длиннее. Но накачанный – длинные, как и он весь, немножко нескладные руки-ноги веревками обвивали тугие гибкие мышцы. На плоском животе четко проступали квадратики пресса. Таких даже у Богдана не было, подобные она видела только на физкультуре у одного старшеклассника, который с пяти лет восточными единоборствами занимался. Взгляд Ирки скользнул ниже живота – и испуганно метнулся обратно.

На бледной незагорелой коже парня проступали болезненно-красные, бугрящиеся, воспаленные язвы. Точно ему в грудь раскаленным железом тыкали. Он застонал снова – запрокинутое лицо исказилось, черные брови сошлись в гримасе страдания.

Ирка невольно шагнула ближе... Горячие пальцы с невероятной силой стиснули ей запястье. Ирка чуть не закричала от ужаса – кисти у него были сожжены начисто, черная кожа отслаивалась мертвыми лохмотьями. Закрытые глаза резко распахнулись, оказавшись темно-, даже мрачно-серыми, как речная вода зимой. Хриплый, задыхающийся, едва слышимый голос простонал:

– Помоги!

– Да! Да, сейчас! – торопливо охнула Ирка, гадая, как же освободиться от хватки, не причинив ему боли. Но пальцы на запястье уже разжались, рука со стуком, как у мертвеца, упала, глаза закрылись. На рукаве у Ирки остались кровавые полосы. Ирка метнулась к толстухе:

– Скорее зовите доктора, он потерял сознание!

– Доктор оперирует твою подружку-потаскушку, – продолжая сосредоточенно шуршать бумагами, бросила бабища. – С малых лет таскаются по притонам, трахаются с бандитами, а мы потом на них дефицитные лекарства тратим!

– У вас что, один доктор? – изо всех сил стараясь сдержаться, спросила Ирка.

– А Пал Семеныч на обходе, – объявила тетка – похоже, это ее искренне радовало.

– Так вызовите его! – сквозь зубы процедила Ирка. – Парню совсем плохо!

– Всякая писюха будет мне указывать, что делать, – фыркнула тетка. – Подождет твой дружок-наркоман! В следующий раз думать будет! – и она с вызывающим торжеством уставилась на Ирку – дескать, и что ты сделаешь?

Ирке стало невыносимо, до дрожи в коленях жутко. Подведенные густыми, как сажа, тенями глаза тетки невероятно напоминали глаза огнедышащего змея, когда-то гонявшего Ирку по острову Хортица. В них было точно такое же наслаждение чужой болью и бессилием. Тетке нравилось, что парень на кушетке мучается, нравилось наблюдать за Иркиной растерянностью, нравилось ощущать свою власть. Она была даже чем-то страшнее змея – уверенностью, что поступает правильно и что именно она тут единственный хороший и порядочный человек!

Точно как в бою со змеем, на смену страху пришла ярость. Жалко, Танька ушла, она б гадину толстую папиным адвокатом застрашала! – мимолетно подумала Ирка. А сама она тонко, без насилия не умеет – то ли опыта не хватает, то ли от природы не дано. Поэтому она просто перегнулась через стол и тихим, спокойным, правда, иногда срывающимся на рычание голосом отчеканила:

– Если через полминуты тут не будет врача, я позову других моих дружков – наркоманов, алкоголиков, убийц... – она чуть не бухнула «и обратной», но вовремя остановилась, – и мы вас тут... на бинты разматаем!

Толстуха запрокинула голову и зачарованно замерла, глядя на нависшую над ней Ирку. Из-под приподнявшейся губы у той сверкали зубы – как у готовой кинуться собаки, кожа натянулась, сделав девчоночье лицо жутковато похожим на песью морду, а плечи хищно горбились. Не сводя с девчонки глаз, толстуха дотянулась до валяющегося на столе мобильного, нажала кнопку:

– Пал Семеныч... – дрожащим голосом пролепетала она. – Тут в приемном... Наркоманы... Голые... Напали! – вдруг истошно завизжала она. – Скорее, Пал Семеныч! – она вскочила – стул с грохотом полетел на пол – и шарахнулась к стене, чтоб Ирка не могла до нее дотянуться. – Помогите!

Ирка даже сделать ничего не успела – послышался громкий топот ботинок по линолеуму, стеклянная дверь за спиной толстухи резко распахнулась, и в «приемное» ворвался молодой врач – с обломанной ножкой стула в руках:

– Где? Где голые наркоманы на вас напали? – вскричал он. – И что они с вами сделали? – уже спокойнее добавил он. Ирке даже показалось: в этом вопросе звучит тень надежды – что сделали нехорошее.

– Тут мальчик – врач «Скорой» сказал, он в воду упал и обморозился, – с пулеметной скоростью выпалила Ирка.

– Хамка! Ты у нас не работаешь – не тебе врачу докладывать! – взвизгнула толстуха, но никто не обратил на нее внимания. Врач с размаху кинул ножку стула толстухе на стол, поверх бумаг, и склонился над парнем. Изумленно присвистнул, огляделся и выкатил из соседней комнаты медицинскую каталку:

– Медсестры нет...

– Она на операции, – торопливо вставила Ирка.

– Сказано тебе – ты у нас не работаешь! – снова разоралась толстуха.

– Так и вы у нас, Наталья Петровна, не работаете, а только шум создаете, – раздраженно рявкнул врач.

– Я буду жаловаться! – мгновенно перестав орать, с достоинством сообщила толстуха.

– Вот-вот, займитесь любимым делом, – буркнул доктор, отворачиваясь к Ирке. – Придется тебе помочь – его надо переложить. – Он ловко подхватил парня за плечи. – А ты бери за ноги, и на счет три... Справишься?

Прикусив губу, Ирка кивнула и неловко ухватила парня за щиколотки.

– Ну, раз, два... три!

Повинуясь рывку, тяжелое горячее тело легко взлетело и перепорхнуло на каталку.

– Ого, а ты сильная девчонка! – хмыкнул доктор, удивленно глядя на Ирку. – Ну, покажи! В смотровую. – Ирке ничего не оставалось, как ухватиться за другой край каталки и, суетливо перебирая ногами на скользком полу, толкать к смотровой.

Голова парня перекатилась от толчка, длинные волосы, как черные карандашные штрихи, перечеркнули бледное лицо. Врач наклонился над пострадавшим, бережными движениями придавливая кожу вокруг красных язв.

– Ты знаешь, это не обморожение! – подняв на Ирку глаза, вдруг озадаченно пробормотал он. – Это – химические ожоги! Как будто его в кислоте топили. А обморожения – никаких следов! Говоришь, из воды вытащили?

Ирка энергично закивала.

Врач пожал плечами:

– Зимой из воды – и никакого обморожения? – бормотал он, выкатывая из угла стойку капельницы. – Парень спортивный... Может, «моржует»?

– Без плавок? – невольно вырвалось у Ирки.

Доктор пристально поглядел на нее:

– Ты в каком классе?

– В седьмом...

– Вот и не смотри туда – в седьмом анатомию человека еще не изучают! – усмехнулся он, аккуратно вводя иглу капельницы в бессильную руку черноволосого.

Ирка испуганно хватанула ртом воздух и просто ощутила, как становится красной – будто это ее в кислоте топили.

– Пусть пока капает, нужно ослабить интоксикацию организма, – уже без всякой насмешки деловито бросил врач и специально пояснил: – Не знаю, где и чем его так обожгло, но наверняка еще и надыхался дрянью. Сестра освободится, возьмет анализы, потом надо купить кое-что из лекарств... – он вдруг оборвал сам себя и обратился к Ирке, – Ты родителей его знаешь?

– Я и его-то в первый раз вижу, – все еще чувствуя, как горят щеки, замотала головой Ирка.

– Плохо. С такими ожогами он не скоро встанет, а лекарства сейчас сама знаешь... – врач повернулся и вышел.

Ирка растерянно осталась стоять посреди смотровой. А ей что делать? Уйти? Оставить парня – совсем одного, без сознания? Говорят, за капельницами следить надо – если лекарство вытечет и в иглу попадет воздух, то все, конец! Она недоуменно поглядела на полные флаконы – что ж ей, всю ночь сидеть? Она торопливо огляделась, содрала со стоящего в смотровой топчана не слишком чистую простыню и, стараясь не смотреть, накинула ее на «анатомию человека». Фф-у-х, вот так уже лучше!

Точно почувствовав прикосновения ткани к обожженной коже, парень застонал и дернул локтем.

– Тихо-тихо! – прошептала Ирка, ловя его за руку. – Не дергайся, иголку вырвешь! – она бережно уложила ему руку вдоль тела.

Тяжелые веки медленно поднялись, темно-серые, почти черные глаза затуманенно уставились в висящее между ним и потолком Иркино лицо, и бледные потрескавшиеся губы тихо прошептали:

– Пить...

– Сейчас! Сейчас-сейчас! – Ирка заметалась по смотровой. Ему минералку надо, без газа! Но пока она будет ночью искать ларек, неизвестно, что с ним станет! Господи, ну

почему другие, нормальные девчонки никогда не оказываются в больнице один на один с голым, обожженным кислотой парнем – только она?

– Пи-ить! – снова мучительно простонал черноволосый.

– Сейчас! – уже чуть не плача Ирка кинулась к крану и, схватив медицинского вида фарфоровую плошку, торопливо наполнила ее водой. – Вот, выпей, а я потом сбегую... – она осторожно подвела ладонь ему под затылок и приподняла голову. – Пей!

И он глотнул.

Если бы она засунула ему в глотку гранату с выдернутой чекой, эффект был бы, наверное, не меньше. Глаза у него безумно выпучились, вода фонтаном разлетелась изо рта, он сел, едва не выдернув капельницу из сгиба локтя – выбитая у Ирки плошка с грохотом завертелась по полу. Парень судорожно хватал ртом воздух, точно вынырнувший из глубины пловец.

– Это... Что это было? – наконец выдавил он, и хрипло закашлялся.

– Вода... – дрожащим голосом пролепетала Ирка.

– Это – вода? – теперь в голосе его звучала ярость. Он еще несколько раз вздохнул и пристально уставился на Ирку. Лицо его уже не походило на лицо мертвеца. Наоборот, оно ожило, даже порозовело, а в темно-серых глазах появился неприятный желтый огонек. – Ты что со мной сделала? – свистящим шепотом прошипел он, и Ирка поняла, что он в настоящем бешенстве!

– Ну а что такого, конечно, воду из под крана пить не рекомендуют, но я вот пью, и ничего! – пятась, залепетала она.

– Это ты называешь ничего? – шипение стало вовсе угрожающим. Невероятно гибким, плавным движением он подался вперед...

Точно – восточные единоборства! – мелькнуло в голове у Ирки. – Или эта... как ее... капоэйра!

– Ты меня чуть не прикончила, коза идиотская! – казалось, от него летят искры, как от вздыбившего шерсть кота. – Меня по всей вашей канализации проволокло, ты, ведьма проклятая!

– Я тут при чем?! – шарахаясь от него, перепуганно вскричала Ирка. – Эй, погоди! А откуда ты знаешь, что я ведьм...

Дверь смотровой с грохотом распахнулась, и внутрь, спиной вперед, влетела Танька. На пороге воздвиглась... Оксана Тарасовна. В руке у нее угрожающе покачивалась та самая, брошенная врачом, ножка стула.

– Ага! Вторая тоже здесь! – со зловещим удовлетворением процедила ведьма-хозяйка. – А это кто такой? – тыча в сидящего на каталке парня ножкой стула, требовательно спросила она.

– Никто! – торопливо ответила Ирка, на всякий случай вклиниваясь между каталкой и разъяренной Оксаной Тарасовной.

– Ах так, я для тебя никто? – видно, от гнева у черноволосого вовсе перехватило дыхание – вырывающееся из его горла шипение вибрировало и перхало, как пустой водопроводный кран.

– Пациент, – объясняя не столько Оксане Тарасовне, сколько изумленно вытаращившей глаза Таньке, сказала Ирка. – Упал в воду, чем-то траванулся, а может... может, и по голове получил! С головой явно большие проблемы! – косясь на дымящегося от злости брюнета, прикинула она.

– Пациент? – протянула Оксана Тарасовна таким тоном, будто наличие в больнице пациентов было совершенно непредвиденным хамством, направленным лично против нее. И вдруг, растопырив пальцы рожками, ткнула поверх Иркиного плеча.

Парень, как раз набравший полную грудь воздуха, чтобы разразиться очередными непонятными претензиями, сдавленно охнул, глаза его закатились, и он откинулся обратно на каталку.

– При травмах головы очень полезен здоровый сон, – злорадно пробормотала Оксана Тарасовна и всем телом угрожающе развернулась к Ирке. – А вот теперь поговорим! Что вы сделали с Мариной?

– Ага! – донесся из приемной торжествующий вопль. – Так это они девчонку зарезали! Я вызываю милицию!

– Эту тоже усыпите? – потирая ушибленную спину, невозмутимо поинтересовалась Танька.

– Такие никогда не спят, – ворчливо буркнула в ответ Оксана Тарасовна. – Такие даже во сне... – не договорив, она просто сильным толчком ноги захлопнула дверь смотровой – стекло жалобно задребезжало. Глаза ведьмы-хозяйки начали стремительно наливаться болотной зеленью, – Что она тебе сделала, Хортица? Она всего лишь рóбленная...

– Ничего она мне не сделала! – чувствуя настоящее желание просочиться сквозь замочную скважину в запертый шкаф с медикаментами, завопила Ирка. – То есть, я ей ничего не сделала!

– И при этом она в реанимации! И вы вместе с ней! – рявкнула Оксана Тарасовна.

– Еще нет, но, кажется, сейчас будем, – опасливо косясь на ножку стула, которой в запале размахивала ведьма, пробормотала Танька.

– Думали, я ее не найду? – продолжала разоряться Оксана Тарасовна. – Да у меня на каждую из моих девочек нож припасен!

– Ой! – Танька испуганно закрыла рот ладонями. – Так это вы ее убили? В смысле, не добились? – пробубнила она сквозь стиснутые пальцы.

– Не корч из себя дурочку! – процедила Оксана Тарасовна. – Нож, обычный наговорной нож! – неловко зажав ножку стула под мышкой, она вытащила из сумки коробку с набором из четырех дешевеньких столовых ножи́ков с разноцветными пластиковыми рукоятками. Три лезвия радостно сверкали, зато одно густо, как запекшаяся кровь, покрывал коричневый слой ржавчины. Лишь на самом кончике еще оставалась чистая полоска. – Благодаря им я всегда знаю, если с моими девочками что-то случается! Я уже два часа все больницы прочесываю – с тех самых пор, как увидела, что с Марининым ножом делается! – она ткнула пальцем в заржавленное лезвие. – Я так и знала, что после Каменца вы будете ее искать!

– Не искали мы ее! Мы после Каменца даже вас не искали, так зачем нам ваша тупая блондинка! [Смотри книги «Колдовской квест» и «Магия без правил» Илоны Волинской и Кирилла Кашеева (издательство «Эксмо»)] – взъерилась Ирка. – Она сама в ручье возле нашего дома валялась!

Выражение лица у Оксаны Тарасовны изменилось, и она с размаху плюхнулась на топчан.

– Действительно, тупая, – похоронным тоном сказала она. – Предупреждала же я, чтоб она к вам и близко не подходила. Неужели дурища решила, что она с вами справится! – Оксана Тарасовна запустила тонкие, унизанные кольцами пальцы в волосы и начала скорбно раскачиваться из стороны в сторону. – Ну ладно, я все понимаю, ну почувяла ты, что она на твоей территории... Но зачем же сразу убивать!

– Не трогала я ее, вы что, глухая? – заорала Ирка. – Даже если б ваша Марина меня в очередной раз достала – стала бы я за ней с ножом гоняться? Долбанула заклятьем, чтоб все ее белесые волосенки повылезли, и все дела!

– Правда-правда, – вмешалась Танька. – Мы к ручью приворотную воду делать ходили! Послышался звук, будто кто-то подавился.

- А потом земля туда-сюда кренится начала и ревел кто-то! – встала Ирка.
- Вода в ручье вскипела! – продолжала Танька.
- И за ноги хватать начала! – наябедничала на воду Ирка.
- Марина ваша как заорет!
- А когда я прилетела...
- А я прибежала...
- А она лежит, – закончила Ирка. – Вся в крови. И еще там кто-то был, но исчез.
- Маньяк – убийца ведьм, – с явным недоверием протянула Оксана Тарасовна.
- Ну почему сразу убийца ведьм? Может, просто маньяк, – пожала плечами Ирка. –

Нет, я не поняла! – первое ошеломление прошло, и вот теперь Ирка решила обидеться всерьез. Да что ж ее, и за ведьму не считают, если так наглеют! – Мало, что я полночи всех спасаю – прямо «Скорая помощь» на вылете, – так еще и каждая наглая морда на меня наезжает! – она демонстративно уставилась в лицо старшей ведьме. Вот пусть только попробует прокомментировать, у кого тут морда, пусть только даст повод – такой харей на весь Новый год обзаведется, маски не понадобятся! – И каждый наглый морд тоже! – Ирка кивнула на каталку... и застыла.

Дверь смотровой распахнулась, и на пороге появилась медсестра с набором для анализа крови в руках.

– Извините, а где тут лежащий больной? – растерянно спросила она, оглядывая крохотную смотровую, в которой толпились две девчонки и элегантная дама со встрепанной прической, ножкой стула под мышкой и ржавым ножом в руках.

– Кажется, он вышел, – слабым голосом пробормотала Ирка. Только непонятно как – с ожогами по всему телу, под сонным заклятьем Оксаны Тарасовны и... с самой Оксаной Тарасовной у двери.

– Вышел? – растерянно повторила медсестра, – А врач сказал – без сознания, – она медленно повернулась обратно к двери, потом оглянулась через плечо и переспросила, – А здесь точно мальчик-«морж», ну, которого «Скорая» из коллектора вытащила, лежал?

– Кажется, он не «морж», – все тем же слабым голосом откликнулась Ирка. – Кажется, он нудист. Зимний, – добавила она, разглядывая свисающую над полом иглу капельницы, с которой медленно скатывались мутные капли физраствора. И простыню, брошенную поперек пустой каталки.

2

Больничный ужас

Оксана Тарасовна встала, потирая спину, – даже несмотря на выпрошенное в ординаторской кресло, болело все тело невыносимо. Слабый серый свет от попискивающего монитора едва позволял разглядеть вытянувшуюся на больничной кровати Марину – бледное лицо и белые волосы сливались с белизной подушки.

Врач говорит – между жизнью и смертью. Врач говорит – надежда есть. Надежда – это так много, если знать, как за нее правильно зацепиться. Ведьма опустила на колени перед Марининой кроватью и зашептала:

– Ишла черна дивка з черными ведрами по черну воду. Ведра качнулись – вода разлилася. У рабы Божьей Маринки кровь унялася, рана зажила...

К концу заговора ее резко затошнило и повело в сторону, так что она едва не рухнула на пол – за сегодняшнюю ночь она колдовала, наверное, уже в десятый раз. Хорошо бы чаю, но пойти в ординаторскую и попросить она не решалась. Оперировавший Марину хирург и сам не соображает, почему разрешил посторонней бабе остаться в реанимации, а поддерживать внушение она не могла – не было сил.

Пошатываясь, она поднялась с пола и побрела к окну. Остановилась, глядя в темноту и прижимаясь лбом к окну, прикосновение холодного стекла принесло мгновенное облегчение. Завтра из своей деревни Вонюкино – или как ее там? – приедут Маринины родители. Придется изображать завуча того малярного ПТУ с красивым названием «Строительный колледж», в котором, как они думают, учится их девочка. Надо с утра слетать домой... нет, все-таки лучше съездить... и одеться попроще. А вот что она скажет...

Может, зря она поверила Хортице с подружкой и их безумной истории? Случайно оказались у ручья, случайно нашли... Оксана Тарасовна покачала головой, перекатывая лбом по холодному стеклу. Конечно, ножом в грудь – совсем не ведьмацкий стиль. А может, на то и расчет – и Хортица просто отводит от себя подозрения, путает следы? А на самом деле хитро и изощренно мстит за случившееся в Каменце – не Марине, конечно, даже думать смешно, а ей, Оксане Тарасовне? И не было никакого исчезнувшего убийцы?

В золотистый круг света под фонарем вступил человек – тяжелая дубленка, шапка. Остановился, задрав голову, и принялся пристально изучать темные больничные окна, будто что-то высматривая. Оксана Тарасовна бездумно глядела на него. Дед какой-то... Лица не разглядеть, но фигура смотрелась невыносимо старомодно – дубленка казалась кожухом, а заломленная набекрень шапка напоминала о старом, еще черно-белом фильме «Вечера на хуторе близ Диканьки». Так и кажется, что из перекинутой у деда через плечо сумки сейчас черт выскочит.

Кажется, высмотрев, что ему надо, дед под фонарем удовлетворенно кивнул и очень даже бойко, совсем помолодому, взбежал по ступенькам. Блеснула стеклом открывшаяся больничная дверь.

Оксана Тарасовна уперлась плечом в тяжелое кресло и перетащила его на падающую из окна серебристую лунную дорожку. Села, откинув голову и подставляя лицо невесомым лунным отблескам. Добрая луна даст немного сил измотанной ведьме... На задворках разума мелькнуло – «старой ведьме», но Оксана Тарасовна эту мысль безжалостно подавила. До старости далеко, до старости бесконечно далеко, она в самом расцвете, на пике своих сил... которых никогда не станет больше. Сколько новых заклятий ни придумай, каким количеством робленых девчонок себя ни окружи, а ей никогда не сделать того, на что способна Хортица. Да что там Хортица с ее полубожественной кровью – даже того, на что способна

ее белобрысая подружка. Утешением было, если б эти две хоть бездельничали, – так нет ведь, учатся! Рождественские заклатья они опробуют, понимаешь ли! У-у, ведьмы! Оксана Тарасовна устало усмехнулась – даже на нормальную бодрящую злость на ведьм-соперниц сил не оставалось. Какая долгая, долгая ночь...

Скрип-скраб-скрип-скраб... По коридору скрипели ботинки. Оксана Тарасовна сморщилась, как от зубной боли. Скрип напоминал раннее детство, когда с отцом-военным они жили в глухом гарнизоне где-то в сибирских лесах – сейчас взрослая Оксана Тарасовна и на карте бы то место не нашла. Магазины отсутствовали, и ботиночки для офицерских детишек тачал гарнизонный сапожник. Был он стар и имел свое представление, что есть высший модный шик – сапоги «со скрипом»! Особенно замечательно в них было в жмурки играть – стоишь, глаза завязаны, а вокруг со всех сторон скрип-скраб-скрип-скраб...

Перебирая ногами так мелко, точно ростом был не больше кошки, обладатель «музыкальной» обуви доскрипел до двери и остановился по ту сторону. Будто прислушиваясь. В желто-золотистой щели под дверью зашебуршало, мелькнула лохматая тень. Оксана Тарасовна вздохнула – ну кто ж еще в наши дни способен так щегольски расхаживать в скрипучих сапогах? Ведьма потянула носом – и впрямь почуяла слабый запах дегтя. Смазывает, негодник! Еще небось и волосья салом мажет, винтажный ты наш!

– Коли дело есть, так заходи, а коль без дела пришел – так иди себе, – ворчливо предложила ведьма. – Беда у нас – не до тебя.

За дверью вроде как подпрыгнули, и только воздух свистнул – беззвучно унеслись прочь. Оксана Тарасовна дернула уголок губ – любопытствовал, лохматый. Собраться с силами да показать ему, как соваться со своим любопытством к злой, уставшей ведьме? Так ведь собираться особо не с чем. Она поудобнее устроилась в кресле – хоть полчасика подремать, глядишь, и полегчает.

Осторожный скрип шагов возобновился – кто-то робко семенил к двери, на этот раз с другой стороны коридора. Оксана Тарасовна подняла голову и недобро уставилась в плотно закрытую створку. Дразнится он, что ли? Вот так спустишь самую чуточку – немедленно на голову садятся, и хорошо еще, если не в буквальном смысле!

Скрипучие шаги остановились у двери – зашуршало, и кто-то шумно засопел в замочную скважину. Оксана Тарасовна невесомо скользнула к двери и... со всей силы пнула ногой. Створка распахнулась и впечаталась в стену с другой стороны. С потолка посыпалась штукатурка.

– Ага, получил? – гаркнула ведьма, вихрем вылетая в коридор и оглядываясь в поисках оглушенного мохнатого тельца.

Никого. Скрипя петлями, распахнутая створка качалась у нее за спиной. Коридор по-прежнему пуст, лишь вдалеке бледно светила лампа над столом дежурной медсестры.

– Шустёр, лохматый, – процедила Оксана Тарасовна и скороговоркой забормотала: – Домовой-домовой, выходи играть со мной! Дам тебе молока, хлеба и кренделька, сладкую ватрушку, сдобную пампушку. – Голос у нее при этом получился такой злобно-сладкий, что сама б она нипочем не вышла. Но домовые до домашних сладостей сами не свои, хоть и почуют подвох, а все равно вылезут! Оксана Тарасовна завертела головой, стараясь не упустить, где сейчас вспучится крашеная стена и выглянет мохнатое рыльце со свинячьим пяточком.

Не вылез. Оксана Тарасовна надменно приподняла бровь – это уже странно. Хотя кто их знает, больничных домовых, может, их ватрушки не привлекают, может, им спиртику налить или аспиричику дать.

– Пожалеешь, мохнатый хозяин, – многообещающе окидывая взглядом пустой коридор, сказала она. По коридору прошелестел горестный вздох, но домовой так и не показался.

Оксана Тарасовна задумчиво вернулась в палату, осторожно прикрыла за собой дверь. Ни один нормальный домовик не станет над ведьмой шуточки строить. Если, конечно, желает сохранить в целости шерстку и пяточок. У выходки местного домовика была причина, и лучше ее понять раньше, чем...

Оксана Тарасовна остановилась, чувствуя, как сердце вдруг подскочило к горлу и забилося там, точно желая удрать из тела как можно скорее. В ее кресле кто-то сидел. В падающем из окна серебристом лунном свете она отчетливо видела продавленное сидение и ободраный дерматин спинки – в кресле было пусто. Но вот хоть режьте... точнее, хоть жгите, хоть топите – сидит там кто-то, и все!

Ох, как не вовремя – она так устала! Делая вид, что и не собиралась садиться, Оксана Тарасовна склонилась на кровать – Марина лежала все так же неподвижно, но полосочки по экрану бежали веселей, ветвились зелеными молниями... Еще бы, она всю ночь трудилась! Перекачала в Марину все силы. В груди холодной жабой шевельнулся страх. А вот этого никак нельзя. Струсившая ведьма – мертвая ведьма. Кончились силы – воюй тем, что осталось.

Оксана Тарасовна аккуратно подкрутила колесико капельницы, поправила флаконы с лекарством, прихватила кое-что с тумбочки и небрежной походкой направилась к окну. Лунный свет погладил плечи, посеребрил волосы, точно хотел поддержать измученное бессонной ночью и ворожкой тело. Оксана Тарасовна прислонилась спиной к подоконнику, запрокинула голову и эдак мечтательно уставилась на проглядывающую сквозь тучи луну. Губы ее почти беззвучно зашевелились:

– Луна-сестра серебром востра./Лунный свет – лунный меч от неожиданных, страшных встреч./Тихий звон, льдинки хруст, черный ворон, звонкий топот.../На костре серебра, покажись, смерть врага! – уже в полный голос выкрикнула она и, резко повернувшись, уставилась прямо в пустое кресло.

Столб лунного света дернулся, как луч прожектора, широким кольцом обежал пол и потолок и тоже уперся в кресло. Точно маркером очерченная серебристым лунным ореолом, в кресле проступила тень, черная, как густая осенняя грязь. Будто выдавленные в этой грязи пальцами, на ведьму палились пустые дыры глаз, и зияло отверстие разъявленного в безмолвном крике рта.

– Тебе смерть, ведьма, – проурчал утробный, словно выползший напрямую из кишок, голос.

Оксана Тарасовна атаковала. Рука резко вынырнула из кармана жакета. Хищно блеснув иглой, толстый шприц ударил в пустую глазницу ночного гостя.

Медленно качаясь, черная тень поднялась из кресла. Оксана Тарасовна зачарованно уставилась в нависшее над ней темное бесформенное лицо с застрявшим в глазнице шприцем... и тут же шарахнулась в сторону. Лезвие широкого, точно кухонного, ножа ледяным прикосновением скользнуло по коже, походя вспоров плотную ткань шерстяного жакета.

Ведьма завизжала – наполовину испуганно, наполовину яростно – и рванула створку окна. Сидящая на дереве воронья стая снялась с места и ринулась в распахнутое окно. Растопырив крылья, истошно каркающая ворона ударила тени в грудь – неведомое существо отшвырнуло к стене. На голову ему спикировала вторая птица – толстый клюв долбанул в затылок. С чвяканьем увяз – ворона отчаянно забила крыльями. В окно, будто выпущенные из пулемета, одна за другой влетали птицы. Пахнущие морозом и мокрыми перьями тельца с ног до головы облепили черную тень. На мгновение она обрисовалась бесформенным столбом молотящих черных крыльев и долбящих клювов. Закачалась, норовя стряхнуть птиц с себя, ударилась в одну стену, в другую. Смерчем закрутилась посреди палаты – не удержавшиеся вороны с карканьем взлетали и тут же атаковали снова...

– Так его, так! – подскакивая на каблуках, взмахнула кулаком Оксана Тарасовна.

Тень сложилась вдвое – точно упала на колени под тяжестью стаи. Карканье стало торжествующим... и вдруг смолкло совсем. Словно каждой вороне в клюв кляп забили.

Стая таяла, будто ее высасывали изнутри. Птичьи тельца стали плоскими, казалось, из них разом исчезли кости и внутренности, оставив лишь кожу с торчащими перьями. Мгновение смутно напоминающая человеческую фигуру пирамида из распластанных птичьих крыл еще высилась посреди комнаты... а потом просто осыпалась высокой грудой пуха и мокрых перьев. Точно выпотрошили гигантскую подушку.

Из этой груды, медленно вырастая, поднималась широкоплечая тень с пустыми провалами вместо глаз. Тень утробно расхохоталась, и широкий нож ударил ведьме в грудь. Оксана Тарасовна шарахнулась назад, налетела на прикроватную тумбочку. Тусклый ночник зашатался... Ведьма поймала его в падении. Новый удар ножа пришелся в круглый плафон, разнеся вдребезги электрическую лампочку. В лампе что-то пыхнуло, коротко стрекотнуло, как кузнечик. Сверкнув в лунном свете, нож взметнулся над головой ведьмы.

Оксана Тарасовна швырнула битой лампой прямо в тень. Осколки стекла чвякнули, увязая у ночного гостя в груди. В наступившей крошечной тьме от лампы во все стороны побежали ветвистые красно-золотые молнии. На черном теле ночного гостя – еще более темном на фоне царящего вокруг мрака – точно набухли кровавые царапины. Вопль, похожий на скрежетание камнем по железу, сотряс больничную палату – и тело убийцы разорвало на клочки, как вырезанный из черной бумаги силуэт.

Извилистый электроразряд ударил в кучу птичьих перьев на полу – и те вспыхнули, чадя темным, удушливым дымом. Языки пламени взвились вверх, охватывая парящие в воздухе обрывки ночного убийцы, и полыхнули – разом, дружно, почему-то добавляя к вони паленых перьев еще и смрад горячей шерсти и треск подожженной соломы. Спираль дымного пламени завертелась посреди палаты и с тишайшим шорохом осыпалась на пол густым слоем сухого серого пепла.

Вырубившийся монитор рядом с кроватью Марины тихо пикнул, оживая, – включилось аварийное освещение.

– Что здесь происходит? – дверь резко распахнулась, и на пороге появилась судорожно моргающая спросонья медсестра.

Отчаянно завизжав, Оксана Тарасовна сиганула в дверной проем, сметя в сторону сдавленно вякнувшую медсестру. Серой тучей пепел взметнулся с пола – смутной тенью сквозь нее проступило искаженное яростью мужское лицо.

Оскальзываясь по линолеуму, Оксана Тарасовна длинными скачками помчалась по коридору в широкий холл. Там, точно привязанный шнуром к розетке, стоял пылесос. Едва не врезавшись в стену с разбега, Оксана Тарасовна пнула кнопку включения. Пылесос взвыл, как голодный динозавр над тарелкой манной каши. Негодующе вибрирующая труба развернулась навстречу вихрю пепла. Глядящее из мельтешения серых хлопьев лицо на мгновение вытянулось от изумления... и тут же вытянулось еще больше – его засасывало в пылесос!

Легкий пластиковый корпус запрыгал по полу, словно внутри металось что-то живое, затрещал, стенки вздулись...

С яростным воплем Оксана Тарасовна обхватила пылесос обеими руками, рывком оторвала от пола, качнула, и со всей силы метнула в окно, в серый предрассветный сумрак. Брызнуло разбитое стекло. Ворвавшийся внутрь холодный зимний ветер вздыбил Оксане Тарасовне волосы. Пластик грохнулся об заледенелый асфальт – корпус пылесоса разлетелся яркими обломками пластмассы и темно-серой тучей пыли. Пыль змеей взметнулась вдоль стены, свилась в темное облако. Напротив разбитого окна зависло слепленное из пыли лицо. Пустые провалы глаз пристально уставились на Оксану Тарасовну, черные губы расплзлись в широкой, как прорезанной ножом, улыбке.

Ведьма застыла неподвижно. Вязкое ватное оцепенение охватило все тело, руки и ноги стали невыносимо тяжелыми, точно в них налили свинца.

За спиной слышались спотыкающиеся шаги. Рывками, как робот, Оксана Тарасовна повернула голову. По коридору брела давешняя медсестра. Глаза ее были пусты и бессмысленны, как пластмассовые глаза куклы, а на губах... на губах играла та же мерзкая улыбочка, что и на лице за окном.

Медсестра остановилась, пошатываясь из стороны в сторону, будто марионетка в руках кукольника, и ее пустой взгляд вперился в замершую в оцепенении ведьму. Губы скривились, пропуская сквозь себя чужой голос и чужие слова...

Время застыло.

...Тяжелый больничный лифт глухо загудел, металлические двери с лязгом распахнулись, и в холл вывалились двое – мрачноватый мужик в дутой куртке и квадратной шапке и пухлая бабенка в слишком ярком пуховике и с белыми, как лен, волосами.

– Ой, а чего это тут? – изумленно взвизгнула бабенка.

Рассвет сереньким котенком проскользнул между острыми зубьями битого стекла в окне, мягкой лапкой погладил по лицу спящую на кушетке медсестру, заставив ту задергать веками, и наконец скакнул на неподвижную женскую фигуру посреди разгромленного холла больничной палаты.

Оксана Тарасовна медленно повернулась на голос.

– Вы родители Марины? Не волнуйтесь, с девочкой все будет в порядке, – очень спокойным и очень ровным тоном сказала она. – Хотя, конечно, уход тут безобразный: окно разбито, медсестра всю ночь спит...

Беловолосая бабенка уперла руки в бока и всем телом развернулась к недоуменно моргающей медсестре. Оксана Тарасовна удовлетворенно усмехнулась и отступила в коридор – в ближайшее время несчастной медсестре будет не до выяснения обстоятельств погрома в отделении и пропажи пылесоса. Ведьма скользнула в палату своей робленной, выхватила из-за двери старую больничную швабру и ринулась к окну. Взобралась на подоконник – холодный ветер разметал ее волосы и приподнял подол широкой юбки...

Постояла и слезла. С мстительной улыбкой на губах крепко-накрепко завязала на штативе капельницы пояс от медицинского халата, вскочила на швабру и взвилась к небесам, затерявшись в сером рассвете.

3

Андрей, мальчик-красавчик

Ирка наполовину спала в буквальном смысле слова – один глаз закрыт, да и второй слегка прижмурен. Ноги сами перебирали по смерзшейся в грязный черный лед дороге. Школьная сумка оттягивала плечо – дико хотелось скинуть ее и поволочь за собой по ледяным буеракам.

Раздавшийся неподалеку прерывистый скулеж был исполнен поистине нелюдской тоски. Ирке даже показалось, что она сама не удержалась и теперь жалуется всему миру на свои страдания. Она с трудом разлепила один глаз и чуть не нос к нос столкнулась с соседским псом. Таких называют кабыздохами – кудлатая помесь ньюфаундленда, волкодава, старого комода и набора напильников (если судить по кривым лапам и жутковатым зубам). Обычно при виде Ирки кабыздох молча убирался в свою будку, всей спиной изображая, что не видит ее и даже не подозревает о ее существовании. Соображал, что странная соседка ему не по зубам, но и делать «собачий реверанс» с заправленным между задних лап хвостом, положенный при встрече с сильнейшим, явно не желал.

Сейчас пес стоял, вытянувшись в струнку и опираясь здоровенными, как блюдца, лохматыми лапами на калитку, и тихонько, прочувственно скулил, преданно глядя на Ирку влажными черными глазами. Ирка разлепила второй глаз и воззрилась на пса озадаченно. Пес шумно потрянул ушами, трогательно заглянул Ирке в лицо и просительно заскулил снова.

– Эй, тебе чего? – растерянно пробормотала девчонка и... не выдержав молящего взгляда, погладила пса по черному носу.

Обычно мрачный кабыздох по-щенячьи взвизгнул и всей мордой ткнулся Ирке в ладонь. Замер, шумно дыша от счастья и щекоча пальцы теплым дыханием.

– С чего вдруг такая любовь? – все еще озадаченно спросила Ирка, почесывая пса под подбородком.

Пес не ответил, а только с торопливой благодарностью лизнул ласкающую руку.

Ирке невыносимо хотелось вернуться домой и забраться обратно в постель. После этой ночи ей полагается если не медаль «За спасение в луже утопающих и ножиком зарезанных», так хотя бы возможность пропустить контрольную по алгебре! Ох она сегодня насчитает!

– Ирочка, а що ты там робыш? – с приторной ласковостью нацелившегося на жирного поросеночка волка из сказки спросил из школьного рюкзака бабкин голос. – А пидийды-ко сюды, люба моя дивчинка, це твоя ба-абушка!

Ноги у Ирки разъехались на обледенелой дороге, она судорожно заскребла подошвами и завертела руками, пытаясь одновременно сохранить равновесие и сдернуть рюкзак с плеча.

– Ну шо ты там возишся, шо ж ты за копуша така, возиться вона и возиться! – с умеренным раздражением выступила невидимая бабка.

Ирка плюхнула рюкзак на лед, присела на корточки и принялась лихорадочно дергать «молнии» кармашков.

– Що за дытына така, я не знаю! Ну чи есть у ций дытыни хоч якись розум, скажи мени, добри люди! – возопил рюкзак. Сосед, поднимавшийся по дорожке следом за Ирой, испуганно шарахнулся в сторону, едва не впилявшись в ближайший забор.

Наконец-то! Ирка запустила руку в карман рюкзака – конечно, последний из всех – и... плюх! Уронила! Проклятье, уронила!

– Тому що руки в тэбэ з задницы растут – ось и маешь! – с глубоким удовлетворением сообщил лежащий на земле мобильник. Бабкиным голосом.

Ирка цапнула развыступавшийся аппарат и нажала кнопку. Теперь Танькина идея поставить рингтоном на бабкины звонки бабкин же голос вовсе не казалась Ирке гениальной. Тем более что первую фразу Танька попросила бабку наговорить, а все остальное записала через пять минут, когда бабка выражала свое недовольство качеством сваренного Ирккой борща.

– Ну? – уже в трубке раздался бабкин голос. – И чего ж ты телефон не берешь, колы ридна бабка тэбэ дзвонить? Спишь, мабуть?

– Да с чего б это я спала? – отчаянным усилием воли подавляя зевок, пробормотала Ирка.

– А тому, що бабка поихала, ось ты й хозяйнуешь! – немедленно сообщила бабка. – Небось з подружкою своею ночь-полночь швендяешь!

Ирка едва не подавилась.

– Ничего я не... Я в школу иду! – выпалила она.

– А чем докажешь? – подозрительно спросила бабка.

– Не знаю я, чем доказывать, – Ирка снова взвалила на спину рюкзак и направилась по круто забирающей вверх дорожке мимо развалившихся хат старой городской балки. Вслед ей раздался разочарованный полувздых, полувой. Ирка повернулась, помахав рукой тоскливо глядящему на нее поверх калитки псу. Ноги у нее немедленно разъехались, и она плюхнулась на бугристый лед грунтовки. – Вот только что со всего маху на попу села, – потирая ушибленное место, буркнула она. – Чтоб тут пройти, за забор держаться надо, а у меня руки заняты – тобой, между прочим!

– А ты не фордыбачься, – неожиданно мирно сказала бабка. – Я тэбэ рóстю – я за тэбэ отвечаю, я за тэбэ отвечаю – я тэбэ проверяю, я тэбэ проверяю – я тэбэ дзвоню! Радоваться должна – ось у нас тут в санатории зовсим одинокие старушки есть, за счастье бы почли, щоб им хочь хтось подзвонив, а у тэбэ все ж таки ридна бабка!

– Как тебе там отдыхается? – слабым голосом выдавила Ирка – то, что ее зачислили в «одинокие старушки», добило девчонку окончательно. Спотыкающейся походкой умученного некромантами зомби Ирка поднималась все выше и выше – мимо глухих заборов свежестроенных особняков, – выбираясь к шумному проспекту.

– Ой, та ци ж врачи, та ще и медсестры, таки жадибни, ну таки – у-у-у! Не пансионат – цыганский табор, так в руки и глядят, за що б гроши з бидных старушек узяты! Та я им швидко поясныла – якщо мени вже дали путевку, так вони мени за цю путевку должны усе и ще бильше! Ну так вже захекалася – усю горлянку сорвала, покы цих нахаб на место поставила! – начала бабка – судя по довольному голосу, если б ее лишили возможности поставить санаторских «нахаб» на место, бабка считала бы отдых несостоявшимся.

Устало вздохнув, Ирка наконец захлопнула мобильник.

– Хортица!

От раздавшегося за спиной пронзительного голоса в Иркиной несчастной, измученной бессонной ночью голове что-то глухо бомкнуло, и в затылке полыхнуло нестерпимой болью – точно туда раскаленный штырь вогнали. Над ней возвышалась «классная» Екатерина Семеновна, в просторечье именуемая Бабой Катей, в черном зимнем пальто фасона «прощай, молодость» и с шерстяным блином берета на коротких крашенных завитках.

– Опаздываешь, Хортица?! – торжествующе ухнула Баба Катя.

– Вроде, пока нет, – поднеся запястье с часами к самым глазам, несколько неуверенно откликнулась Ирка. Умение разбирать время вдруг куда-то делось, оставив лишь понимание, что время – спа-ать!

– Рот прикрывай, зеваешь во всю пасть! – прикрикнула на нее Баба Катя. – С собаками таскаешься, и это когда в школе – комиссия из министерства!

– С какими еще... – Ирка обернулась. Дворняжки – одна крупная, с печальными черными глазами и отвисшими сосками многолетней мамы, вторая, наоборот, мелкая, всклокоченная, хвост бубликом. Видно, они давно шли за Иркой по пятам и теперь терпеливо стояли у ее ног, заглядывая в лицо и ожидая невесты чего.

– Это не мои... – смущенно пробормотала Ирка. – Увязались, наверное, – и она снова зевнула, аж зубами клацнула, растерянно поскреблась за ухом и тут же смущенно спрятала руки за спину. Осторожней надо быть, а то так и залаять недолго!

– Спать надо по ночам! – немедленно среагировала Баба Катя. – Думаешь, я не знаю, что ты компьютер завела? – добавила она брезгливо – будто речь шла о клопе или таракане. – Всю ночь играешься, а потом в школе зеваешь! Быстро в актовый зал! Там к Новому году ничего приготовить не успеваем, а у нас же – комиссия!

– Так у меня на первом уроке... – начала Ирка и осеклась, чувствуя острое желание закатить самой себе оплеуху. Совсем от недосыпа рехнулась – едва не бомкнула про контрольную!

– Ничего не желаю слушать! – тряхнула крашеными кудряшками Баба Катя: Иркино слабое сопротивление ее только подзадорило. – Марш!

– Так точно! – молодежато щелкнула каблуками Ирка, извиняющимся шепотом пробормотав собакам: – Бегите отсюда, нет у меня ничего вкусного! – заскочила в дверь школы. То ли от прогулки по морозу, то ли от радости ее даже шатать перестало. И глаза слегка разлепились.

– Меня Баба Ка... то есть Екатерина Семеновна прислала! – распахивая дверь актового зала, отпрапортовала Ирка.

– Еще одна мелкая, – отворачиваясь от окна, в котором она созерцала зимний пейзаж – трудовика с лопатой, упорно пробуряющегося к школьным мастерским – сказала красивая светловолосая одиннадцатиклассница. И окинула Ирку рентгеновским взглядом, казалось, все вещи наружу лейблами вывернулись. К счастью, у Ирки хватило сил утром натянуть приличные «мексовские» джинсы с черным кожаным жилетом поверх «некстовской» белой блузки. А что глаза от недосыпа красные – будем считать это макияжем в стиле вамп.

Одиннадцатиклассница фыркнула – непонятно, то ли одобряя Иркин стиль, то ли осуждая сразу и безоговорочно.

– Что учителя себе думают – я ведь не воспитательница детского сада, – доверительно сообщила она еще двум старшеклассницам, со стремянок украшавшим елку на сцене актового зала. Обе девчонки оторвались от развешивания шариков и дружно закивали. Блондинка тоже покивала – видать, для слаженности и симметрии, откинулась на подоконник, точно дама на старинном портрете – на спинку роскошного кресла. Подумала, глядя на Ирку горько и недоуменно, как на большое жизненное недоразумение. – Иди вон, снежинки вырежь, – наконец величественно махнула рукой она – королева, отпускающая посудомойку.

Ирка мысленно усмехнулась – да хоть корону на голову напяль, ей-то что, лишь бы не контрольная! – и покорно направилась к заваленному бумагой столу.

– А и не надейся, Хортица! – хором поприветствовали уже восседающие там сестрички Яновские, Юля и Яна. – От контрольной все равно не отвертишься, ее на завтра перенесли!

Ирка пожала плечами – абсолютного везения не бывает, – кинула сумку и принялась искать на столе ножницы:

– Остальные наши где? – поинтересовалась она, складывая квадратик белой бумаги в аккуратный уголок и вычикивая на нем узоры снежинки.

– Кто где, – наворачивая вокруг проволочных стеблей бумажные розочки, сообщили сестрички. – Кто спортзал украшает...

– Кто шарики надувает...

Дверь актового зала распахнулась. Сперва появилась толкнувшая створку задница – обтянутая джинсами с лейблом «D&G». Следом вдвинулась спина в темном свитере, и, прижимая к груди здоровенную коробку со свисающим через край разноцветным «дождиком», в актовый зал ввалился Андрей из 11«А».

– А джинсы у него, между прочим, настоящие. Не подделка какая, – слюня край зеленого бумажного листочка, отметила Юля.

– Можно подумать, ты отличишь, – пожала плечами Ирка.

– Я – нет, – согласилась Яновская и довольно добавила: – А вот Людка – да! Она с парнями в фейке[Fake (*англ.*) – дешевая подделка под известные бренды.] не встречается!

Ирка снова пожала плечами – она, наконец, вспомнила эту Людку. Та самая, у которой когда-то страз Сваровски за триста баксов из зуба в городской стоматологии высверлили![Смотри книгу «Ведьино наследство» (издательство «Эксмо»).]

– Забирайте, притащил, – сваливая ящик с игрушками под елкой, с мрачной мужественностью буркнул Андрей (имелось в виду – мне, такому сильному, конечно, ящики таскать не тяжело, но такому занятому, конечно, беспокойно и унизительно).

Обычно в таких случаях все девчонки начинали сочувственно хихикать и махать в сторону Андрея ресницами, как опахалами. Потому как Андрей был хорош. Родители не покупали ему дешевых вещей, а если и покупали, то на дорогих распродажах. От папы-бизнесмена у него была машина, правда «Лада», зато новенькая, из салона, а от дяди-гаишника – даже права на нее, и каждая девчонка мечтала после уроков укатить из школы, сидя на переднем сиденье рядом с Андреем. Лучше всего – прямо в ночной клуб, куда их не пропускали просто так, зато с Андреем... В общем, у всех девчонок школы, которых Андрей осчастливил номером своего мобильного, он проходил под одним и тем же рингтоном – «Мальчик-красавчик, сколько девочек страдает...».

Но сейчас старшеклассницы на стремянках не повернули голов. Оживленно переговариваясь между собой, они меняли местами цветные шарики и прозрачные подвесочки – они очень, очень заняты, никого не видят и не слышат, а если кто и зашел, так личность, вовсе не стоящая внимания. Белокурая Людка с устало-безнадежным вздохом отвернулась к окну и продолжила томно созерцать трудовика.

Ирка вопросительно поглядела на сестричек Яновских – что за новости? Но первые школьные сплетницы, похоже, сами оказались не в курсе – жадно вытянув шеи, они уставились на Андрея и Людку. Ножницы в их руках продолжали негромко чикать, кромсая папиросную бумагу в мелкую лапшу.

Андрей растерялся – к такому отношению он не привык. Вопросительно поглядел на девчонок на стремянке. Поглядел на Людку – увидел только равнодушный профиль в обрамлении белокурых волос. Нерешительно потоптался и двинулся к подружке.

– Слышь, Люд... Пойдем завтра в «Тайм-Аут»? У них перед Новым годом классные пати.

– Спасибо, конечно, – нарочито громким голосом бросила девчонка. – Но я не хожу по дешевым кабакам.

Андрей обалдел. Единственное, на что его хватило, это пробурчать:

– Считаешь, сама дороже стоишь?

– Другие так считают, – скромненько сообщила Людка.

Похоже, внутри Андрея произошла короткая борьба между двумя желаниями – поставить Людку на место и сохранить с ней отношения. Навострившая уши Ирка его даже слегка зауважала, он не стал уточнять, кто – другие, абсолютно спокойным тоном спросил:

– Ну и куда ты хочешь?

Людка наконец соизволила отвернуться от окна и окинуть своего недавнего парня долгим взглядом:

– Например, в «Репортер», – явно издевательским тоном назвала она один из самых дорогих и стильных клубов города.

На лице Андрея снова отразилась борьба – сомнение, неуверенность, наконец, он что-то прикинул и с тяжким вздохом решился:

– Хорошо, пойдем в «Репортер».

Подкрашенные Людкины брови поползли вверх двумя аккуратными черными полосочками.

– Я-то пойду, – хмыкнула она и тут нанесла сокрушительный удар. – А вот маленьких мальчиков туда не пускают.

Все. Желание у Андрея осталось только одно:

– Люд, тебе шифера не надо? – поинтересовался он. – Крышу чинить?

С меланхоличной безнадежностью Людка поглядела на подружек:

– Уровень юмора – первый класс, вторая четверть, – пожаловалась она. – И этот детсадовец хочет встречаться со взрослыми девушками. – В футлярчике на ее шее мобилка нежно запела: «Я за тебя в огонь, стану твоей судьбой...» Людка схватилась за мобильный и повернулась к Андрею спиной. – Да, милый, – сахарно-карамельным голосом выдохнула она, – Да, конечно... Конечно, готова! Нет? Не пойдем? – в голосе ее прорезалась печаль – и покорность. – Ах, попозже? – снова возрадовалась она. – Конечно, конечно, все, как ты захочешь! – она захлопнула телефон и застыла с мечтательной улыбкой.

– Все-все? – кривя рот, едко осведомился Андрей.

– Ревнуешь! – пропела Людка. – Ты и правда думал, что я всю жизнь на твоей паршивой «Ладе» кататься буду?

– Ага! – торжествующим шепотом выдала Яна Яновская.

– Ага! – не менее торжествующе согласилась Юля. – Зеленая «Мазда» вчера возле школы! – и они понимающе переглянулись.

– Катись ты знаешь куда? – окидывая Людку недобрым взглядом, предложил Андрей. – И знаешь на чем? – он поглядел на сочувствующих с лестниц Людкиных подружек и добавил: – И этих телок безмозглых прихвати!

Все три девчонки дружно фыркнули.

– Вот вам наши мальчики, – надула губки Людка. – Мозгов не хватает, так они пошлят!

Андрей обвел актовый зал взглядом, давящим, как асфальтовый каток. И вдруг...

– Ты! – тыча пальцем в Ирку, рявкнул он. – Идешь со мной снежинки на окна клеить!

– Вот-вот, – прокомментировала Людка. – Самая подходящая для тебя подружка – и по возрасту, и по уму!

– Кому говорю, пошли отсюда! – почти прорычал Андрей, одной рукой подхватив коробку со снежинками, а второй вцепившись Ирке в плечо.

Стул, на котором она сидела, покачнулся и грохнулся на пол. Ирку растянуло по диагонали – ноги пока оставались на месте, а вот туловище уже волокло вслед за рвущимся к двери Андреем. Он ведь не остановится, так и будет ее тащить, и она просто растянется на полу! – поняла Ирка и начала лихорадочно перебирать ногами, пытаясь догнать собственную голову и плечи. Рывок не прошел даром – она со всей силы боднула Андрея в спину, и они кубарем выкатились в распахнувшуюся дверь.

Продолжая волочить за собой едва поспевающую Ирку, Андрей широким шагом двинулся вдоль пустого школьного коридора. Брови его были судорожно сдвинуты, губы злобно кривились, остановившиеся глаза глядели только перед собой, и, кажется, он даже не сознавал, что тащит следом мотыляющуюся от стенки к стенке семиклассницу.

Таким порядком они вывалились на школьную лестницу... и тут над ступеньками прогремел резкий болезненный вопль:

– Ты что делаешь, идиотка? – орал Андрей, резко поворачиваясь к Ирке и тряся рукой, на которой медленно набухали пять тонких длинных царапин.

– Вот и мне интересно – что я, собственно, тут делаю? – глядя на него исподлобья, процедила Ирка.

Посасывая расцарапанную кисть, Андрей оглядел пустую лестницу, видно, только сейчас сообразив, что проскакал коридор, не слишком задумываясь, куда его несет.

– Ну это... – после секундного размышления выдал он. – Я же сказал – идем в спортзал на окна снежинки клеить.

– Знаешь что? Давай сюда... – Ирка рывком выдернула коробку со снежинками из рук Андрея. – Я как-нибудь сама разберусь! А ты чеши обратно в актовый – там этих снежинок... – Ирка аж головой помотала. – Клей – не хочу!

– Не хочу я клеить... – пробормотал Андрей. – Этих снежинок... – последнее слово прозвучало откровенным ругательством.

– А я не хочу, чтоб ты за мой счет выпендривался! – решительно отрезала Ирка. – Свои проблемы с Людкой решай без меня!

Андрей молчал и глядел на нее во все глаза, как... как смотрел бы на табуретку, которая вдруг выбежала у него из-под задницы и еще в голос возмутилась тем, что он собрался на нее сесть!

– Запредел какой-то! – наконец с недоверчивым возмущением сказал он. – Мало что меня эта коза Людка продинамила, так еще теперь каждая мелкая наезжает!

– А я должна тебе на шею броситься? – со злобным ехидством поинтересовалась Ирка.

– Ну-у... – задумался Андрей и впервые пристально оглядел Ирку с ног до головы. – Ты хоть и маленькая пока... Но симпатичная! – наконец решил он. Это прозвучало разрешением.

Ирка судорожно вздохнула и даже облизала губы. Она и впрямь чувствовала почти неудержимое желание кинуться ему на шею. И перегрызть! Останавливало только одно – труп потом придется съесть. Целиком, вместе с ботинками. Чтоб не смущать комиссию из Министерства образования рваными ошметками мяса и лужами крови на чисто вымытой лестнице.

– Надо же! Вот спасибо, а то я всю жизнь в зеркало боялась глянуть, думала, что горбатая и вся морда в прыщах! – встряхивая черными волосами, фыркнула Ирка.

Андрей невольно почесал прыщик над губой и опять поглядел на девчонку – с новым интересом оценил затянутую в джинсы фигурку, заглянул в зеленые глаза, от злости светящиеся, как у кошки.

– Да ладно тебе, – наконец протянул он, забирая короб обратно. – Можно подумать, у тебя парень есть! Ну пошли, пошли, – направляя Ирку вниз по лестнице, сказал он. – Снежинки по-любому наклеить надо, а то директриса нам устроит! Ей наши с тобой разборки до одного места.

– Нет у нас с тобой никаких разборок, еще не хватало! – строптиво возразила Ирка, все же невольно делая шаг следом. Ну правда, не нарываться же из-за этого придурка на скандал с директрисой? – С чего ты взял, что у меня нет парня?

– А что – есть? – насмешливо переспросил он, кажется совершенно уверенный в ответе. – Кстати... – наклонился над Иркой и, точно как соседский пес утром, заглянул ей в лицо: – Какие парни тебе нравятся?

Раздался грохот. Ирка обернулась. За спиной стояла ее одноклассница Наташка Шпак. У ног ее валялась оброненная швабра, а Наташка, раскрыв рот, пялилась то на Ирку, то на Андрея.

– Какие-какие, – чувствуя, что мучительно краснеет, пробормотала Ирка, – Ну... Симпатичные.

– Ага, – приосаниваясь, довольно кивнул Андрей.

– Умные, сильные, – зачатила Ирка и злорадно добавила, глядя на его стильно подстриженные каштановые волосы. – Блондины. С брюнетками хорошо сочетаются, – и расправила прядь волос на плече.

– Парни – не блузочки, чтоб сочетаться, – нравоучительно сообщил Андрей. – А насчет умного и сильного это ты правильно говоришь, – и гордо переложил короб со снежинками в одну руку, другой галантно открыл перед Иркой дверь спортзала. – А мне всегда брюнетки нравились!

– По Людкиным белым волосам это особенно заметно, – буркнула Ирка, заходя внутрь.

– Людка – пройденный этап моей жизни. Да она и сама это понимает, – небрежно отмахнулся он.

Ирка надула щеки и шумно выдохнула, не зная, чего ей больше хочется – то ли расхотаться, то ли дать этому павлину в лоб.

– Ну кто-нибудь! Ну хоть кто-нибудь! – рыдающим голосом просила Оксанка Веселко, стоя на подоконнике спортзала с куском мыла и намыленной бумажной снежинкой в руках. – Я уже и так весь низ окна сама обклеила, ну я же не достаю выше! Ну помогите хоть кто-нибудь!

Бубух-бубух-бубух! Ее вопли начисто глушил грохот мячей об пол – игнорируя Оксанины отчаянные призывы, троица одиннадцатиклассников радостно гоняла в баскетбол.

– Андрюха! – с грохотом гоня перед собой мяч, завопил Андреев одноклассник, старший брат Наташки Шпак. – Давай с нами! А девчонка пусть клеит!

Ирка вздохнула с облегчением – вот и вали, а то надоел с разговорчиками своими...

– Знаешь, я, пожалуй, все-таки с девушкой, – совершенно невозмутимо сообщил Андрей и галантным жестом предложил Ирке проследовать к окну.

Шпак и мяч догнали их через пару шагов. Наташкин братец недоверчиво уставился на Ирку.

– Она с моей сеструхой младшей учится, – наконец он обличительно ткнул в девчонку пальцем.

– Дурак ты, Шпак, – не вполне по существу, но зато доходчиво сообщил Андрей. И... по хозяйски обнял Ирку за плечи. И повел к свободному окну.

Оксанке Веселко пришлось схватиться за оконную ручку, чтобы не слететь с подоконника.

– Это у тебя какая рука? – косясь на лежащую у нее на плече ладонь, предельно ласково поинтересовалась Ирка.

– Левая, а что? – ответил Андрей.

– Так ты убери свою левую, а то я сейчас ее поцарапаю, как правую, – также ласково сообщила Ирка.

– Вот и видно – парня у тебя нет, – сказал Андрей. Но ладонь убрал. – Ты снизу клей, а я тебе подавать буду, – кивая на здоровенное окно спортзала, решил он. – Потом поменяемся. Подсадить? – и он уже протянул руки к Иркиным бедрам.

Немыслимым движением девчонка извернулась – и в мгновение ока оказалась на подоконнике.

– Ого! – хмыкнул Андрей, разглядывая свои враз опустевшие руки. – Клево! Гимнастикой занималась? – и, не дожидаясь ответа, принялся перечислять, загибая пальцы: – А я – карате, плаванием, теннисом, паркуром и конным спортом! – и он торжествующе поднял глаза на Ирку.

– И что, отовсюду выгнали? – вежливо поинтересовалась та.

– Эй, ну чего ты такая колючая, девочка-ежик? – спросил Андрей, подпирая голову ладонью и задумчиво разглядывая Ирку снизу вверх. – Хотя в отличие от ежика с ножками у тебя все в порядке!

– У меня и с головой неплохо! – буркнула Ирка, с размаху лепя снежинку на стекло. И вдруг поняла, что происходящее ей начинает откровенно нравиться. Боковым зрением она видела Оксанку Веселко, которая продолжала держаться за ручку, балансируя на самом краю подоконника, чтоб не упустить ни слова. И мячи бухать перестали, а взгляды по спине шарили, как прожектора. Аж лопатки чесались. Нет, наверное, с головой у нее все-таки плохо!

– На Новый год что делаешь? – продолжил светскую беседу Андрей.

– Встречаю! – все еще хмуро ответила Ирка. И нехотя добавила: – У меня бабка в санаторий уехала, весь дом мой. Друзья придут.

– Ну так приглашай меня! – вроде бы шутя вскинулся Андрей.

– Можно я немножко подумаю? – молотя снежинками по стеклу, точно оплеухи раздавала, спросила Ирка.

– Только недолго, – строго разрешил Андрей. – Ого! Подожди... – в голосе его прозвучала растерянность. – Как ты туда дотянулась?

Ирка подняла глаза вверх. Снежинки красовались не только на нижней половине окна, но и на верхней. Под самым четырехметровым потолком. Ирка растерянно поглядела на дело рук своих. Если б она взлетела, то, наверное, почувствовала бы? Или нет? Она неуверенно покосилась вниз на Андрея. Ну, Веселко бы точно не упустила парящую под потолком Хортицу...

– Сами заползли, – наконец выдавила Ирка. – Это все ты виноват, морочишь мне голову!

– А я сразу понял, что тебе нравлюсь! – с видом довольным, как у Иркиного кота, изловившего прячущуюся в холодильнике сметану, согласился Андрей.

Ирка замахнулась на него мыльной снежинкой, едва не свалившись с подоконника. Он со смехом увернулся, подставляя руки:

– Давай падай! Не поймаю, так подберу!

Веселко уставилась на Ирку с откровенной ненавистью.

Дверь спортзала с грохотом распахнулась, впуская взмыленного пацана.

– Народ! Народ! – надрывая глотку, на весь зал заорал он. – Директриса сказала – все доделывают, что делали, и валят из школы! Сегодня уроков не будет!

– Ва-а-а! – старший Шпак и его приятели заметались по залу, распахивая мячи, – в топоте их ног утонули яростные Оксанкины протесты.

Ирка слезла с подоконника.

– Я куртку возьму, – пробормотала она.

– Давай, – согласился Андрей. – Я тебя в холле подожду.

Он что, всерьез? Он собирается ее ждать? На виду у всей школы?

На слегка подгибающихся ногах Ирка побрела из спортзала. Насторожившиеся уши вовсе не по-человечески шевельнулись, ловя голос подбежавшего к Андрею Шпака.

– Ты что, с этой мелкой замутить решил? А Людка? – тревожным, но одновременно радостно-любопытным голосом спросил Шпак. Вся школа знала, что Людка ему нравится.

– А тебе не кажется, что Людка для меня старовата? – небрежно поинтересовался Андрей. – И ноги у нее толстые. Как колготки в сеточку натянет – ветчина в авоське!

– Ну тогда я к ней на новогоднем диске подкачусь, – решительно объявил Шпак.

– А зеленая «Мазда» у тебя есть?

Дальше Ирка уже не слышала – дверь спортзала захлопнулась за спиной. Она быстро сбежала в раздевалку. Совершенно незнакомые девчонки, шушукавшиеся в уголке, вдруг дружно примолкли, во все глаза уставившись на нее.

– Та самая, – услышала она сдавленный шепот. – Которая теперь с Андреем...

Ничего себе! И полчаса не прошло! И вообще, ее хоть кто-нибудь спросил – с Андреем она или без Андрея?

Но она все-таки остановилась перед зеркалом и придирчиво оглядела себя – не хватало, чтоб те же девчонки спрашивали, что Андрей в ней нашел. Черные волосы отлично смотрелись на отороченном светлым мехом капюшоне куртки. Ирка подновила помаду на губах и неторопливо пошла к выходу.

В холле Андрея не было. Ирка нерешительно затопталась на месте, сама удивляясь острому и даже болезненному чувству разочарования, которое поднялось откуда-то из желудка и больно сдавило сердце и голову. Сзади послышалось негромкое хихиканье. Проклятье, могут подумать, что она Андрея ждет! Едва не бегом Ирка рванула к выходу.

– Стой, куда? – заорали ей вслед, и ее догнал запыхавшийся Андрей, на ходу просовывавая руку в рукав куртки. – Ну что ты из себя строишь? – хмуро спросил он. – Две минуты подождать не могла? От меня еще ни одна девчонка не бегала!

Ирке снова захотелось дать ему в лоб. Но еще больше – выйти вместе с ним на глазах у всей школы. И вышла.

– А может, мне тебя в «Тайм-аут» пригласить? – задумчиво сказал Андрей.

Ирке показалось, что эти слова громом пронесли по школьному двору – и все разом кинулись к окнам. Во всяком случае, в каждом окне торчало по физиономии – Ирка даже не сразу поняла, что пялятся именно на нее. Как она идет с Андреем. Нет, она этого не вынесет! Уберите его от нее, хоть кто-нибудь!

– Мало того что я все городские школы обегал, тебя разыскивая! Так ты и сейчас заставляешь себя ждать! – отчеканил кипящий яростью голос.

У школьных ворот стоял мотоцикл – черный, хромированный, сверкающий, тяжелый и в то же время изящный, как произведение техностиля, и надпись «Кавасаки Ниндзя» звучала загадочно и вызывающе. Небрежно прислонившись к мотоциклу спиной и буравя Ирку бешеным взглядом из-под сдвинутых бровей стоял... он. В кожаной куртке и скинхедовских ботинках на толстой подошве. Еще недавно мокрые и грязные черные волосы собраны в тугий блестящий хвост, а лоб пересекает тонкий кожаный шнурок. Едкая, как кислота, улыбочка на злых губах, а в обтянутых перчатками руках крохотный, невообразимо прекрасный в своей трогательной весенней прелести букетик нежных лесных незабудок.

– А говорила – блондины нравятся, – потерянно буркнул Андрей.

– Так я ж не говорила, что и я им, – выдохнула в ответ Ирка, замороженно глядя, как недавний обожженный полутруп, ночью сбежавший с больничной каталки, решительным шагом направляется к ней через школьный двор.

Полутруп, на вид вполне живой и даже здоровый, разве что по-прежнему бледный, прошел мимо Андрея, как мимо стенки и... аккуратно продел букетик незабудок в петельку воротника на Иркиной куртке. Окинул Ирку мрачным взглядом. Девчонка почувствовала себя точно под гипнозом, глядя в черные, полные непонятной ярости и затаенной боли глаза.

– Кино, кафе или парк? – отрывисто, даже не спросил – потребовал он.

– Парк, – как в трансе выдохнула Ирка.

Он передернул плечами, давая понять, что ему все равно, хоть городская свалка, и, скомандовав:

– Поехали! – сунул Ирке шлем.

Стартер мотоцикла взревел, как тысяча разъяренных тигров.

Дворняжки, теперь уже три, с терпением фарфоровых садовых фигурок восседавшие у ворот школы, вскочили и проводили мотоцикл долгими печальными взглядами.

4

Айт, принц на черном байке

Гонка на мотоцикле напоминала полет на метле – разве что на метле получается чуткок повыше, зато без бешеных виражей, в которые то и дело бросал своего «зверя» ее черноволосый спутник, обгоняя машины одну за другой. Ирка могла бы сказать так, но не сказала. На метле нет нужды держать парня за пояс, чтоб не слететь с седла, и прикладывать все силы, чтоб не прижиматься щекой к его обтянутой черной кожей куртки спине, прячась от встречного ветра. И чувствовать, как от него исходит то настоящий жар, то леденящий холод, от которого у Ирки начинали отчаянно стучать зубы. Не парень, а неисправный кондиционер какой-то!

Почти ложась набок, мотоцикл миновал дорожное кольцо, понесся по прямой и, сбрасывая скорость, как теряет свой бег мягкая приливная волна, причалил у колоннады старого парка. Дрожащими руками Ирка стянула шлем.

– У тебя классный мотоцикл... – пробормотала она.

– Да, – тоже снимая шлем, кивнул он и очень серьезно, даже сурово одобрил: – Отличный конь. Хорошо, что я нашел его, – и направился к колоннаде парка, даже не оглядываясь, чтобы проверить, идет Ирка за ним или нет. А она пошла – точно привязанная канатом.

«Интересно, и за каким лешим ты это делаешь?» – ехидно прозвучал в душе ее же собственный голос.

«Ну не удирать же, раз приехали», – потерянно ответила самой себе Ирка, которая и впрямь не понимала – почему она не поворачивается и не чешет бегом к маршрутке. И пусть он потом гадает, куда она делась! Но она лишь ускорила шаг, догнала черноволосого и пошла рядом. Он молчал, неспешно шагая по парковой аллее и подставляя лицо ярким холодным лучам зимнего солнца, жмурясь от слепящих отблесков белого снега.

– А у нас в школе у одного парня машина, – чтобы перестать пялиться на него и хоть как-то прервать молчание, сказала Ирка. И тут же засопела от смущения – ценно высказалась!

– Я не люблю повозки. Только коней, – несколько странновато ответил он и снова замолчал – кажется, молчание совсем его не тяготило. Но не могут же они вот так идти и даже не разговаривать!

– Дворец князя Потемкина, – тыча пальцем в невысокое длинное здание, тоже с колоннадой, островерхой крышей и роскошной лестницей к парковым цветникам, выдавила Ирка. – Только он тут никогда не жил, – честно добавила она.

– Кто он, этот князь? – равнодушно поинтересовался черноволосый.

– Здрасьти! – Ирка аж притормозила. – Ты что, учебник истории не открывал?

– Я в ваших школах не учусь, – после недолгой паузы бросил он.

– А-а... – наконец Ирке стало хоть что-то понятно. – Ты из заграницы приехал?

Черноволосый не ответил, только вроде как кивнул – чуть-чуть. Точно склонять голову даже для кивка ниже его достоинства.

– А где ты жил? – полюбопытствовала Ирка. – Здорово по-русски говоришь!

– То там, то сям... – уклончиво ответил парень. – Я многоязыкий... – он подумал и педантично уточнил: – Я владею несколькими языками.

– Ой, я тоже! Английский, немецкий, испанский, итальянский, ну польский, чешский... – обрадованно начала перечислять Ирка. Конечно, приятно быть местным феноменом, но встретить еще одного такого же – тоже здорово!

– Это естественно, – явно не очень слушая, равнодушно согласился черноволосый, разглядывая сверкающие от снега деревья, похожие на фантастические узоры, вырисованные бело-черным карандашом.

Ирка обиженно насупилась – может, у них по границам и естественно, а вот ее директриса лично называла гордостью школы и даже просила за нее математичку, когда Ирка четвертную контрольную завалила. Или он имеет в виду... Она вдруг дернулась, точно пробуждаясь от наваждения, и подозрительно уставилась на своего спутника. Знать много языков естественно... для ведьмы! А ведь он ее уже один раз назвал ведьмой... И почему она таскается за ним, как собачка на веревочке, даже не спрашивая, как его зовут?

– Айтварас Жалтис Чанг Тун Ми Лун, – неспешно сообщил он.

Только через минуту Ирка сообразила, что, видно, выпалила последний вопрос вслух.

– Ого, какое у тебя длиннющее имя, – пробормотала она, чтоб замять неловкость.

– Вообще-то это сокращенный вариант, – сказал он и поглядел на нее с таким обжигающим презрением, что Ирка даже отшатнулась.

И тут же разозлилась. Ну да, среди Богдановых приятелей-ролевики каждый Вася Пупкин тоже непременно именует себя каким-нибудь Ильтарром Эльгонтерриалом Армангонтислем из династии пресветлых эльфов Донданиэль священного леса Мирмиаль. Четвертое дерево от опушки, второе дупло сверху, стучать три раза.

– Если это все равно сокращение, можно, я буду звать тебя как-нибудь еще короче? – невинно поинтересовалась Ирка. – Айтиком, например, или Жалтиком? Ну или Жориком, совсем здорово!

Равнодушно-презрительная мина даже не сползла – свалилась с его лица, как маска с оборвавшимися завязочками, и он воззрился на Ирку с откровенным ужасом.

– Если тебе так тяжело запомнить, зови меня Айтварасом, – пробормотал он.

– Давай сойдемся на Айте? – угрожающим тоном – а иначе Жориком станешь! – предложила Ирка. – А я Ирка Хортица, просто Ирка будет нормально...

Но он, похоже, совершенно не интересовался ее именем. Гибким текучим движением вскочил на высокий бетонный парапет фонтана и не глядя протянул Ирке руку. Фонтан венчал самую вершину днепровского берега и широкими ступеньками спускался до середины крутого склона. Далеко внизу развернулось ледяное полотно замерзшего Днепра. Смутно виднелись вдалеке высотные дома на противоположном берегу. Остров посреди реки с торчащим над деревьями колесом обозрения, казалось, просто вмерз в лед.

– Ты была права, – почему-то продолжая держать Ирку за руку, но глядя только на замерзшую реку, неожиданно сказал Айт.

Ирка поглядела недоуменно – она, конечно, всегда права, знать бы еще в чем именно...

– Что нам стоило поехать сюда, – сообразовал пояснить он. – Тут лучше. Хотя все равно грязно, – искривился, с отвращением разглядывая серый налет на снегу.

Ирка обиженно передернула плечами – ну да, ее родной город никак не назовешь образцом чистоты. Но кто б возмущался?

– Это тебе после канализации так кажется?

Айт отбросил ее руку, точно жабу или змею, и всем телом повернулся к Ирке. В глазах его снова полыхала знакомая ненависть.

– Эй, ты чего на меня смотришь, будто это я тебя в коллектор спихнула? – невольно отступая, пробормотала она и зашаталась, ловя равновесие, на самом краешке парапета.

В один шаг он оказался рядом с ней, навис, возвышаясь на голову... Ирка поняла, что сейчас он сбросит ее вниз! Защититься она не успевала, только бы извернуться в падении, не шарахнуться затылком об асфальт...

Стремительным движением он вскинул руку... и двумя пальцами придержал ее за рукав. Дернул, втягивая обратно на парапет, и снова отвернулся.

– С... спасибо, – ощупывая рукав – так и без зимней куртки остаться можно! – пробормотала Ирка.

Он лишь едва заметно шевельнул плечом.

– Я... Я тебя не спросила – ты как себя чувствуешь?

– Живой, как видишь, – не оглядываясь, хмыкнул он.

– А что... с тобой было? Ты как в тот коллектор вообще попал?

– Упал, – подчеркнуто коротко отчеканил он. – Видимо, – прозвучало это откровенным обвинением.

– А... А как из больницы сбежал? И зачем?

– Выздороветь хотел, – также коротко бросил он.

В этом был смысл: болеть в наших больницах – еще ничего. А выздороветь сложно. Но он не ответил, как сумел незаметно выскользнуть из забитой людьми крохотной смотровой. Иркины подозрения раздулись так, что на них можно было летать, как на воздушном шаре.

– Меня зачем искал? – буркнула она. – Спасибо сказать? – почему-то не верилось.

И правильно не верилось. Он подскочил, как если б его посреди окрестного зимнего пейзажа оса цапнула. Ирка подумала, что все-таки он ее скинет с фонтана. Прямо на днепровский лед. Но он только хрипловато рассмеялся.

– Да-а... Вот «спасибо» – как раз то, что я тебе обязательно должен сказать! – со злобным сарказмом процедил он.

– А почему бы и нет? – с тихой злобой поинтересовалась Ирка – этот гад ее уже достал! Свалился на голову, уже почти наметившееся свидание с нормальным парнем поломал, теперь разговор дурацкий! – Я ради тебя на тетку регистраторшу кинулась, я тебе врача привела, когда ты там подышал в коридоре... А ты на меня вторые сутки наезжаешь, «ведьма проклятая» орешь. Откуда ты знаешь, что я – ведьма? – на кончиках пальцев едва слышно отщелкнулись отливающие синевой черные когти. Вот посмотрим, как он повыступает с когтями на горле!

– А ты действительно ведьма? – надменно усмехнулся Айт и невинно добавил. – Я тебя еще и козой идиотской назвал.

Ирка растерялась. Ну да, с чего она решила, что его крик «ведьма» – разоблачение? Вполне могло быть просто ругательство.

– Все правильно, никакая я не ведьма, – торопливо пробормотала она. И возмущенно добавила: – Но и не коза!

Айт с сомнением приподнял брови.

«Верный друг, вот седло, в путь – так вместе...» – запел в рюкзаке Иркин мобильник.

– Богдан! – едва не подпрыгивая на парапете, завопила Ирка в телефон.

– Не понял? – удивленно зазвучал голос Богдана. – С чего такая буйная радость?

– А, долго объяснять, – отмахнулась Ирка. После Андрея, а потом этого психованного канализационного утопленника Айтвараса говорить с Богданом, с родным, привычным, таким знакомым и понятным, было... как глоток минералки на ночной дискотеке! Ох, кажется, всю эту любовь-морковь с мальчиками здорово переоценивают! Она покосилась на Айта... А смотришь на него, и сердце вроде как дергается. Непонятно отчего. Наверное, от того, что сам он непонятный и уж точно неприятный тип. И вся ситуация до невозможности дурацкая!

– Слышь, Ирка, я чего звоню... – бубнил Богдан. – У тебя тут дома непонятно...

Так. Иркина радость моментально развеялась. Теперь еще и дома.

– У вас в саду на дереве... Вроде как фрукт объявился, – проямлил Богдан.

– Че-его? – охнула Ирка, вопросительно оглядывая заснеженные деревья парка, точно те могли ей подсказать, как среди зимы в ее саду мог появиться... фрукт?

– Ну да. Ты бы приехала, разобралась. А мы его покараулим пока, чтоб не убежал...

В Иркином воображении неведомый фрукт превратился в яблочко с ручками-ножками, как в рекламе «Живчика».

– Или не улетел... – продолжал Богдан.

Загадочный фрукт обзавелся еще и крыльями. Ирка поняла, что все мальчишки одинаковые, даже старые друзья, – от всех можно чокнуться. Наверное, у них это вирусное.

– Еду, – бросила она и захлопнула мобильник. – Мне надо домой, – сухо сообщила она Айту – Ты меня отвезешь, или мне на маршрутку идти?

– Отвезу, – так же сухо ответил он. – Чтоб потом твой дом, как школу, не разыскивать.

– А может, спросишь, хочу ли я, чтоб ты меня разыскивал? – вскипела Ирка. – Ты мне никак не нужен!

Его лицо вспыхнуло – самая странная смесь чувств, которые Ирке случалось видеть. Сперва торжество, потом сомнение и полнейшее, до отвисшей челюсти, недоумение!

– Так что... – с неожиданной неуверенностью спросил Айт. – Ты меня отпускаешь? – и голос его вдруг дрогнул.

Ирка пожала плечами:

– А я тебя что – держу?

Лицо Айта – просто калейдоскоп какой-то! Недоумение сменилось недоверием, а затем и неприязнью – все сплошь чувства, начинающиеся с «не».

– Ну конечно – ты мне ковровую дорожку к выходу раскатала и платочком вслед помахала! – сквозь зубы процедил он.

– А что – должна? – злобно-вопросительно приподняла брови Ирка.

Они застыли на парапете фонтана, выжидательно уставившись друг на друга. Ирка ждала, пока Айт наконец объяснит, что ему от нее надо! Айт тоже ждал – непонятно чего! Наконец Ирка не выдержала – да что она, кривая, косая, недоделанная, чтоб ее вот таким взглядом буравить? Смотрит, как будто она жаба, усевшаяся на его зубную щетку!

– Слушай, ты! Ты ж меня терпеть не можешь, хотя я понятия не имею за что! Так чего привязался?

– Ну что ты! – протянул он. – Наоборот, ты мне еще в больнице понравилась! Просто ужас как! – все вместе звучало как «я бы тебя убил, но так дешево ты не отделаешься».

5

Ведьма на ветке

Здоровенный серо-седой волк лежал в пушистом снегу под грушевым деревом и смотрел футбол по мобилке.

– Шевченко обходит защитника, прорывается к воротам... Удар!

Волк вскочил и глухо, горестно завыл. Сидящий рядом на табуретке мальчишка выхватил из плотных кожаных ножен сверкающий стальной меч и с досады шарахнул об дерево. Посыпались кора и мелкие веточки.

– Прекратите издеваться! – возмущенно завопила элегантная дама в отороченном серебристо-голубой шиншиллоу зимнем костюме, восседающая верхом на толстой голой ветке, и обеими руками ухватила за ствол.

Волк поднял голову и лениво клацнул зубами. Дама с ругательством поджала ногу в зимнем ботинке на высоком каблуке. Волк фыркнул, подгреб лапой валяющуюся в снегу старую деревянную швабру и принялся ее демонстративно грызть.

– Интересный у тебя сад, – задумчиво сказал Айт, глядя на эту сцену поверх забора.

– О, Ирка! – завопил Богдан, размахивая клинком. Волк и женщина на дереве повернули головы. И все трое замерли, во все глаза уставившись на черноволосого красавчика в черной коже верхом на сверкающем хромом мотоцикле.

– Может, зайдешь? – сползая с седла мотоцикла, неуверенно предложила Ирка. Меньше всего ей хотелось, чтоб канализационный утопленник со своими непонятными заморочками вперся сейчас в ее полный народу двор. Но просто повернуться и уйти неприлично – подвез все-таки...

– В следующий раз обязательно, – невозмутимо кивнул он, кажется, даже не замечая устремленных на него взглядов. – Мы ведь так и не разобрались... в наших запутанных отношениях.

– Нет у нас никаких отношений! – вскинулась Ирка.

– Это спорный вопрос, – равнодушно обронил Айт и вытащил из кармана навороченный сенсор. – Номер своего мобильного давай, – скомандовал он.

– С какой это радости? – фыркнула Ирка.

– С такой, что иначе я в следующий раз заявлюсь к тебе без звонка, – любезно уведомил он.

– Можно подумать, ты в этот раз позвонил! – отчеканила Ирка и, гордо задрав нос, направилась к дому, правда успев с наслаждением поглядеть, как после ее заявочки вытянулось у него лицо.

– Так я же... – но все возражения потонули в громком, возмущенном хлопке калиткой.

Вот так! За спиной у нее взревело. Судя по синхронно повернувшимся головам мальчишки, волка и женщины, мотоцикл умчался. Волк судорожно, как больной, зевнул. Мальчишка тер пальцами переносицу, точно у него там чесалось, и наконец выдал:

– Это кто?

– Да так, – злобно буркнула в ответ Ирка. – Один случайный козел.

– Он тебя домой привез! – с претензией выпалил Богдан, будто Ирка этого не знала. – Или ты хочешь сказать, что он случайно тебе между ног заехал... своим мотоциклом?!

Волк жалобно заскулил и плюхнулся в снег, зажмурившись и прикрыв лапами нос. Светящиеся зеленым колдовским огнем глаза пристально уставились Богдану в лицо.

– Чего я хочу... – раздельно отчеканила Ирка. – Так это обмотать твой дурацкий язык вокруг ушей и завязать бантиком!

– Есть и более радикальное средство, милочка! – откликнулась с дерева женщина. – Отличное заклятие для привязывания мужских языков к мужскому же...

– Оксана Тарасовна! – от Иркиного рыка затряслась не только ветка под ведьмой, но и остальные деревья в саду. – Объясните, пожалуйста, что вы на моей груше делаете?

– Сижу! – также злобно буркнула старшая ведьма. – Пятки поджигаю, чтоб этот старый предатель... – она гневно поглядела на волка, – мне их не откусил! А ведь когда-то на меня работал, майор! – упрекнула она волка.

Желтые глаза уставились на ведьму неприятно-голодным взглядом, и волк недобро зарычал.

– Он уже подполковник, – перевела Ирка причину волчьего недовольства.

– Надо же, какой большой... гхм... человек мою швабру грызет, – издевательски пропела Оксана Тарасовна.

Волк едва не подавился деревянным черенком... и лапой отодвинул швабру в сторону.

– Если б он вашу швабру не отобрал, вы б давно смылись! – вступился за волка Богдан, подумал и изменил формулировку: – В смысле, слетели, – еще подумал и уточнил: – Не вниз с дерева, а вверх... Короче! – он повернулся к Ирке и зачастил: – Я к тебе шел, смотрю, а тут наш майор... то есть подполковник... со всех ног летит – он в человеческом виде... то есть облик был. Мы и двух слов друг другу сказать не успели... то есть я спросил, что случилось, а он только рот открыл, а тут эта... – он кивнул на Оксану Тарасовну, – сверху на полной скорости как налетит! Ну и не вписалась – сама в дереве запуталась, а швабра на землю свалилась...

– Посмотрела бы я, как бы ты сам летал после бессонной ночи! – еще больше обозлилась Оксана Тарасовна.

Ирка невольно кивнула – насчет бессонной ночи она все понимала.

– Ну мне-то это точно не грозит, – глубокомысленно заметил Богдан.

Волк заперхал – то ли закашлялся, то ли засмеялся. И даже ведьма на дереве хихикнула. Ирка поглядела на них мрачно – надо же, уже свой местный юмор образовался! Тонкий Богданов прикол состоял в том, что мальчишка был здухачем, воином сновидений, и чтоб летать, ему нужно именно заснуть!

Богдан поймал мрачный Иркин взгляд и торопливо закончил:

– Подполковник тогда перекинулся – швабру уволок и Оксану Тарасовну обратно на дерево загнал. Вот и караулим, а то кто ее знает, – он недобро поглядел на Оксану Тарасовну, – может, она на каменецком квесте тебя прибить не успела, так сейчас решила закончить?

– Мне совершенно неинтересно прибивать твою ненаглядную Ирочку! – процедила старшая ведьма.

– Она мне не ненаглядная, – насупился Богдан. – Я на нее с раннего детства пялюсь, наглядился – во! – он махнул мечом у горла, будто собирался отпилить себе голову.

Ирка понимала, что должна бы обидеться, но вместо этого неожиданно испытала облегчение. А Оксана Тарасовна просто не слушала:

– Мне сейчас главное, чтоб меня никто не прибил, – с лица старшей ведьмы, точно смытые мокрой тряпкой, разом сползли и злость, и самоуверенность. Остался один только страх.

– Он снова приходил! – выдохнула она. – Тот, кто пытался убить Марину! Но, кажется, в этот раз ему нужна была я! Если бы не рассвет... – голос ее пресекся, и она нервно облизнула пересохшие губы.

В снегу завозились, рой сухих снежинок вдруг вздыбился плотной завесой, а когда опал, вместо лохматого волка под грушей на корточках сидел немолодой кряжистый мужик

в форменной милицейской тужурке с подполковничьими погонами на плечах. От волка в нем остался разве что хищный прищур непривычно ярких желтого цвета глаз.

– А вот с этого места, пожалуйста, поподробнее, – басовито прогудел Ментовский Вовкулака, командир милицейской группы захвата и вожак стаи наднепрянских оборотней.

– Прямо вот так, с дерева излагать? – возмутилась Оксана Тарасовна.

– Птичка моя, вы так чудно смотрите на этой веточке – почему бы и не спеть? – скорее по-кошачьи, чем по-волчьи промурлыкал старый оборотень.

– Хватит вам! – в очередной раз рыкнула на них Ирка и махнула рукой. – Заходите в дом!

– Не боишься враждебную ведьму в дом приглашать? – предостерегающе спросил Вовкулака.

– А не боюсь! – вызывающе тряхнула волосами Ирка.

Сползающая с груши Оксана Тарасовна подозрительно покосилась на Ирку, потом пробормотала:

– Хуже все равно не будет! – подобрала изгрызенную швабру и, брезгливо неся ее на вытянутой руке, пошла к дому.

Старая рассохшаяся дверь с глухим скрипом открылась.

– М-да-а... – оглядывая захлавленную прихожую, скривила губы Оксана Тарасовна. – Какое, однако, ретро! – хмыкнула она, – Милая, в наше время ведьмы уже не живут в избушках к лесу задом! Так ты скоро обзаведешься бородавками, начнешь курить трубку и таскать на плече черного кота!

Из глубины дома слышалось гневное мурчание-рычание. Мягко ступая, Иркин кот выбрался в прихожую и пристально уставился на Оксану Тарасовну – трехцветный полосатый хвост злобно хлестал туда-сюда.

– Ах, пардон! – ничуть не смутилась Оксана Тарасовна. – Кот у тебя уже есть, хоть и не черный!

– Дом как дом, я в наркоманских притонах и не такое видал, – бухнул Ментовский Вовкулака, с размаху цепляя свою тужурку поверх бабкиного тряпья. Вешалка немедленно хрустнула и рухнула на пол. – Еще один пардон... – смутился старый оборотень, оглядывая вывороченные из стенки толстые гвозди. – Не рассчитал...

Оксана Тарасовна хмыкнула, Богдан вздохнул и полез под скрипучую обувную полку за молотком. Он эту вешалку уже в седьмой раз приколачивал, но толстые гвозди упорно не держались в покрытой зелеными разводами плесени старой штукатурке.

В коридоре стоял тяжелый запах сырости, пыли, нафталина... и, заглушая их, вдруг сильно и нежно – чистой водой, лесной свежестью, весенней травой – запахи незабудки. Пальцы Ирки невольно сжались на приколоте у воротника букетике.

– Он подарил? – спросила Оксана Тарасовна, рассматривая выглядывающие сквозь Иркины пальцы крохотные цветочки. – Отличный вкус. Даже слишком хороший для шестнадцатилетнего мальчишки. Это ведь тот самый, из больницы?

– Из какой еще больницы? – отбрасывая молоток и так и не прибитую вешалку, гневно спросил Богдан. – Я ж тебя и Таньку только вчера вечером видел – во что вы с тех пор успели вляпаться? – он ни секунды не сомневался, что Танька тоже участвовала.

– Пойдем в кухню, – сказала Ирка, безнадежно разглядывая валяющееся на полу барахло. – Я хоть борща нагрее.

– Вот за что я люблю конкретно эту ведьму, – кивая на Ирку, объявил Ментовский Вовкулака, – так это за глубокое понимание, что человеку нужно! А косточка в борще есть? – скаля клыки, жадно уточнил он.

– Мне чаю, – косясь на него с отвращением, сказала Оксана Тарасовна. – В борще слишком много холестерина, – и тихонько добавила: – А может, и заклятье какое.

Ирка только пожала плечами и включила конфорку.

– Выходит, вы зря смеялись, – выслушав рассказ о ночной битве в больнице, заключила Ирка, задумчиво гоняя в борще островки сметаны.

Оксана Тарасовна прекратила нервно болтать ложечкой в бабкиной щербатой чашке и вопросительно уставилась на Ирку.

– Насчет маньяка – убийцы ведьм, – напомнила Ирка. – Выходит, он и правда существует. Сперва Марина, потом вы...

– погоди, – перестав жевать, поднял голову от тарелки Богдан. – А если он и дальше нападать станет? Надо срочно позвонить Таньке, чтоб без меня из своей школы ни ногой! – он потянулся к валяющейся на стуле куртке за мобилкой.

– А может, все проще? – всем телом подаваясь вперед, процедила Оксана Тарасовна, яростно глядя на Ирку. – Нет никакого маньяка, и никому ничего не угрожает – кроме меня и моих девочек?

– Вот этого я и боялся! Мне вчера генерал за низкий процент раскрываемости голову откусить грозился, хоть сам и не оборотень! Годовая премия в опасности, а вы, ведьмы, под праздничек решили разборки устроить? – со звоном швыряя ложку в опустевшую тарелку, рявкнул Ментовский Вовкулака. – Я сразу все понял, еще когда в сводке по городу увидел, что Ирка Оксанкину робленную ножом пырнула...

Ира вытащила ложку изо рта и аккуратно положила на край тарелки.

– Надо Таньку попросить, чтоб в своем календаре рождественских чар поглядела – вдруг сегодня день такой специальный? – в пространство поинтересовалась она. – Есть для любовного гадания, есть – для вышивания оберегов, а сегодня – обвини Ирку в чем-нибудь! Выходит, это я за вами в больнице в полупризрачном виде с ножиком гонялась? – просто чувствуя, как в ее глазах разгорается грозное изумрудное свечение, она уставилась на старшую ведьму. – Это меня вы в пылесос засосали? То-то я чувствую – с утра, как моя бабка, ни согнуться, ни разогнуться не могу. Думала – от недосыпа, а оказывается, вот оно что!

– Прекрати ломать комедию, девчонка! – прошипела Оксана Тарасовна, и взгляд изумрудного огня уперся в другой, цвета топкой болотной зелени. – Мало ли существ, которых умелая ведьма может натравить на врага? Например, того красавчика, который вчера испарился из больницы, а сегодня катает тебя на мотоцикле?

– Погодь, Оксанка, так тебе лучше знать – он или не он, ты ж в больнице кого-то видела? – привычным жестом вытаскивая из кармана блокнот, перебил ее Вовкулака.

– Я же сказала! – фыркнула Оксана Тарасовна. – То сгусток тьмы, то туча пыли... Но у меня сложилось впечатление, что это существо все-таки человек. Или когда-то было человеком, – задумчиво добавила она. – Мужчиной...

– Впечатления к делу не подошьешь, – разочарованно хмыкнул подполковник. – Поконкретнее бы...

– Конкретнее – в двенадцать он чуть не зарезал Марину, а к рассвету добрался до меня, – прикинула Оксана Тарасовна. – Оба раза Хортица крутилась поблизости!

– На рассвете я уже благополучно спала у себя дома! – возмутилась Ирка.

– А кто это может подтвердить? – воинственно вскинулась Оксана Тарасовна.

Ирка на мгновение растерялась... и тут же выпалила:

– Соседский пес! Он видел, как я прилетела, – она смутилась. – Он теперь чего-то за мной постоянно через забор подглядывает.

– Спрошу... – с сомнением пробормотал оборотень и пояснил. – Наши с псами-то не очень ладят, ну да разговорю как-нибудь...

– Слушайте, вам не надоело? – тихим, но очень неприятным голосом сказал Богдан, так что все замолчали и враз уставились на него. – Вы же понимаете, что Ирка никого не

убивала! Иначе вы не только борщ есть, но и чай пить в ее доме не стали бы! – бросил он Оксане Тарасовне.

Ведьма заерзала, отодвинула от себя полупустую чашку и принялась нервно ломать печенье – крошки сыпались на пол. Ирка морщилась, но молчала.

– Это ж идиотизм, – обращаясь теперь только к старому оборотню, продолжал Богдан. – Получается, Ирка Марину сперва надрезала, а потом сама же в больницу поволокла, спасти?

– Знал бы ты, пацан, какие глупости в жизни случаются, – буркнул Ментовский Вовкулака, но видно было, что он уже сильно сомневается в Иркиной причастности. – Ты, ведьмочка, мне еще борща-то плесни, да с пампушкой!

– Вы как хотите, – твердо сказал Богдан, – а у меня есть одна... – поглядел на Ирку и исправился, – две ведьмы, за которых я беспокоюсь, и я совсем не хочу, чтоб за ними в новогоднюю ночь агрессивная тьма с ножичком гонялась, праздник портила!

– Думаешь, он нападает только в темноте? – подпрыгнула от неожиданной догадки Ирка.

– Быстро соображаешь, – кажется, слегка даже расстроилась Оксана Тарасовна. – Смотрите, пока было темно, что я ни делала, он восстанавливался снова. А как рассвет занялся – все кончилось. Многие колдовские существа, а также пришельцы из *urba orbis* ведут ночной образ жизни и теряют активность на свету.

– Пришельцы из откуда? – поинтересовался Богдан.

Оксана Тарасовна поглядела на него укоризненно, как когда-то историчка, которой он сказал, что главной производственной деятельностью древних египтян было производство мумий. И чего двойку-то лепить, если даже у них в городе в музее одна мумия под стеклом валяется – маленькая, правда, наверное, сувенирная.

Глядя на него так же презрительно, как историчка, Оксана Тарасовна пояснила:

– *Urba orbis* – мир иной.

– Тот свет, что ли? – фыркнул Богдан.

Но Оксана Тарасовна только раздраженно помотала головой:

– Просто – иной, живущий по законам, похожим и в то же время не похожим на наши, и даже смыкающийся с нашим в некоторых особых точках пространства-времени. Оттуда к нам время от времени попадают существа, вполне обычные там, но здесь кажущиеся сказочными, – всякие гарпии, единороги, минотавры.

– А-а, так это где царевны-жабы и крылатые змеи живут, – сообразила Ирка, – От которых на острове Хортица богатырская застава стоит, чтоб всякие гады к нам не лезли?

– Застава следит не только, чтоб они не лезли к нам, но и чтоб мы не лезли к ним, – пожала плечами Оксана Тарасовна.

– Какой дурак отсюда полезет к гадам в пасти? – изумилась Ирка, с содроганием вспоминая, как громадный змеище гонял ее над кручами, поливая огнем, как из огнемета.

– Уж поверь мне, желающих во все века хватало, – многозначительно кивнула Оксана Тарасовна. – И туда залезть, и сюда существо оттуда подчиняющим заклятьем вытянуть, и приказы заставить выполнять. Например, ведьм убивать...

Ирка озадаченно поморгала – ни о чем подобном она и понятия не имела. Змей, с которым ей пришлось сражаться на Хортице (на самом деле она больше удирала, чем дралась, но змея-то в конце концов уделала, разве нет?), меньше всего походил на подчиненного чужой воле зомби. Очень самостоятельный был гад и прибить Ирку собирался явно по собственной воле – хотя до сих пор непонятно, чем она ему так мешала. Тем более если он житель другого мира.

– Интересно, ему любая ведьма годится или нужна какая-то конкретная, а он ее просто найти не может? – пробормотала Ирка. – Сперва робленая, потом рожденная... По нарастающей идет!

И тут же все очень странно уставились на Ирку.

– Вы чего? – неловко поежилась она.

– От рожденной можно перейти только к более сильной, – разглядывая ее все так же настороженно, сказал Ментовский Вовкулака.

– Она всего лишь неопытная девчонка, – неласково буркнула Оксана Тарасовна, но даже помимо ее воли в этих словах было больше согласия, чем протеста. – И ее дружки тоже...

– Ну не знаю – у кого, кроме этих троих, есть опыт изгнания из нашего мира Дикой Охоты в полном составе? – усмехнулся оборотень.

– Так это вы! – на сей раз глядя то на Ирку, то на Богдана с самым настоящим суеверным ужасом, ахнула Оксана Тарасовна. – Мы все чувствовали, какая драка кипит...

– Что, астрал содрогался? – хмыкнул Вовкулака.

– Мир содрогался! – вскинулась Оксана Тарасовна, невольно охватывая себя тонкими длинными пальцами за плечи.

– А сейчас вы ничего не чувствуете? – явно не собираясь отвлекаться на дела прошлые, деловито осведомился Богдан.

– Я чувствовала! – вдруг сообразила Ирка. – Когда мы приворотную воду делали, ревел кто-то и земля качалась!

– Получается, убийца из своего мира вывалился прямо в твоей затряханной балке? А там невеста зачем Маринка? Ну, он ее увидел, она ему сразу не понравилась, и давай убивать? – встопорщил усы Вовкулака. – Не сходится что-то!

– Надо Таньку вызывать! – пробормотала Ирка. – Она лучше всех соображает.

– Ну конечно! – презрительно скривилась Оксана Тарасовна. – Главный эксперт-криминалист – двенадцатилетняя девчонка с ворованным даром!

Ирка и Богдан насупились одновременно.

– Вы бы ту историю с Танькиным колдовским даром лучше не вспоминали, Оксана Тарасовна, – недобрым голосом сообщила Ирка. – А то ведь у нас может резко пропасть желание иметь с вами дело! [О конфликтах с Оксаной Тарасовной рассказано в книге «Ведьмин дар» (издательство «Эксмо»).

– Сама понятия не имеет, как быть, а туда же, на Таньку наезжает, – вставил свои пять копеек Богдан.

– Я-то, может, и не имею, – все же слегка сбавляя тон, фыркнула Оксана Тарасовна. – Зато догадываюсь, к кому действительно можно обратиться, – она обвела остальных триумфальным взглядом и припечатала: – К домовому!

– Обратиться к домовому – это вроде как пойти к лешему? – не сулящим ничего хорошего тоном переспросила Ирка.

– Обратиться к домовому – значит выяснить, что заставило мохнатого хозяина в больнице выманить меня из Марининой палаты, чтобы туда проникла та тварь! – раздраженно выпалила Оксана Тарасовна.

– О, так поехали! Допросим соучастника! – начал приподниматься со стула обрадованный Ментовский Вовкулака.

– Незачем – сами явятся! Уж я позаботилась, – блестя глазами, зловеще рассмеялась Оксана Тарасовна.

– Дык явились ужо, как не явиться, матушка-государыня-ведьма, – гулко, как сквозь стену, пробормотал унылый голосок.

Дремотно возлежащий у печки Иркин кот взвился с яростным мявом и пестрой молнией метнулся в угол.

– Ой, котик, котик, котик! – из-под шербогатого деревянного плинтуса мышью метнулся серый лохматый клубок и, дробно топоча, точно кованными каблучками, кинулся к столу. – Ой, котик! – клубочек взлетел по ножке стола и заметался между тарелками.

– Мр-я-я! – распластавшись в воздухе, оскаленный Иркин кот приземлился на край стола и коротко мазнул лапой – блеснули когти...

– Ну хватит! – твердо скомандовала Ирка, хватая кота поперек лохматого туловища. – Оставь его в покое, – она сбросила недовольно мявкающего кота на пол и строго притопнула ногой: – Брысь! Без тебя разберемся!

– Мня-я-я! – негодуя протянул кот и, обиженно подергивая трехцветным хвостом, удалился обратно к печке. Залег там, жутковато мерцая зелеными глазищами.

Цок-цок-цок – серый клубочек с дробным топотом подбежал к краю стола, свесился через край, наблюдая за удаляющимся котом, шумно, с облегчением выдохнул и плюхнулся на покрывающую стол клеенку, растопырив ножки в ярко-красных сапожках.

– Охти-ой, старенький я, дряхленький, бегать от так-то силушек моих нет, моченьки не осталось! – запричитал тоненький скрежещущий голосочек.

– Что ж ты, Анчутка, в дом суешься, а кота не проверил? – насмешливо поинтересовалась Оксана Тарасовна.

Мохнатое существо запрокинуло голову, глядя на ведьму, и обиженно пробухтело:

– Кузька я!

– Ух ты – домовенок Кузька? Как в мультике? – восхитился Богдан, разглядывая лохматую физиономию существа – лишь поблескивали сквозь бурую шерстку блестящие глаза да торчал плоский, как у поросенка, с вывернутыми ноздрями пяточок носа.

– А то ж! – польщенно согласился домовый. – С кого, думаешь, куклу-то для мультика делали, а? Гляди! – гордо задрав пяточок, он повернулся к Богдану в профиль, предлагая оценить сходство.

– Каждый первый домовый утверждает, что именно с него делали Кузьку, – брезгливо бросила Оксана Тарасовна. – А каждый второй – что Нафаню. Ты вот что, *Анчутка*... – издевательски нажала голосом она, – говори, зачем пришел!

– Охти-ой, старенький я, старенький! – скрипуче бормоча, домовый поднялся на ноги и переломился перед Оксаной Тарасовной в земном поклоне. – С еп-путацией посланный я к тебе, матушка-государыня-ведьма, от всего, значит, домкома нашего!

– От кого? – на мгновение потеряв величественность, охнула Оксана Тарасовна.

– Комитета домовых, – при крохотном росте домовый умудрился поглядеть на ведьму сверху вниз, как на неграмотную. – Чтоб, значит, домовых представлять и дела решать, – тут же снова тон его стал почтительным. – С просьбишкой мы к тебе да с низким поклоном! – он еще раз размашисто поклонился. – Молим тебя слезно – отпусти собрата нашего! Как ты из больницы улететь изволила, Платоша тамошний вовсе пропадать стал! Ни есть, ни пить, ни с места сойти, не ровен час с голоду помрет или того хуже... – он испуганно огляделся и задушенным шепотом прошелестел: – увидит его кто! Отпусти, государыня, а уж мы отслужим, уж мы отработаем!

– Вы что, домового в плен взяли? – удивленно буркнул Богдан.

– Вроде того, – злорадно рассмеялась Оксана Тарасовна. – Я завязала ему бороду – поясом от халата на капельнице! Говоришь, есть не может? А вот я бы с удовольствием съела тарелочку борща! – разглядывая неловко переминающегося на столе домового, точно собиралась употребить его вприкуску к борщу, объявила Оксана Тарасовна.

Ирка молча выгребла со дна здоровенной, наваренной на неделю кастрюли остатки и поставила перед Оксаной Тарасовной. Над помидорно-красным круглым озерцом с мелко порезанной капустой и островками картошки вился пахучий парок.

– Ох и духовитый у хозяйки борщок, ох и смачный! – быстро-быстро шевеля пяточком, льстиво протянул домовой.

Ирка пожала плечами, плеснула чуть-чуть борща в крышку от банки и сунула под пяточок.

С испуганным мышинным писком домовой отлетел на другой край стола. Точно не борщ, а бомба с тикающим таймером.

– Мало вам, ведьмы хитрющие, Платоши, так и бедный Кузьма зандобился, – пятясь и озираясь, как в плотном кольце врагов, забормотал домовой. – Да только Кузьма не из таковских, незадарма Кузьму в домком выбрали! Лаптем щи не хлебает, рожном не подпоясывается! – домовой гордо выпрямился и почти прокричал, размахивая крохотным пальчиком: – И на борщ ваш тож не поддастся!

Ирка на всякий случай попятилась – ну его, психа мелкого, еще кинется, потом из волос его вычесывай или из ушей выковыривай!

Оксана Тарасовна только посмеивалась, размешивая в борще сметану:

– Если в обычном доме угощение примет, отрабатывать придется, а уж у ведьмы да из ее рук... – она помотала головой, – совсем в рабство попадет. А скажи-ка мне, лохматый, дружок твой Платоша тоже насчет угощения тверд – даже на пампушку ко мне не вышел?

– Так ведь... не велено, – разводя мохнатыми лапками, пробубнил домовой.

– Ай-яй-яй, – сочувственно поцокала языком ведьма. – Это кто ж такое придумал – честному домовому и пампушек не есть и ватрушек не брать?

– Да все вы... одним салом мазаны, – домовой печально повесил голову. – Одна приказывает, вторая бороду вяжет, а бедным домовикам промеж вашими сварами пропадать. Даже без хлеба!

Терпения Оксаны Тарасовны хватило ненадолго:

– Кто приказал Платону выманить меня из палаты? Говори! – шарахая ложкой об стол так, что брызги борща полетели, гаркнула она.

– Не скажу! – зажмуриваясь и изо всех сил мотая мохнатой головенкой, пролепетал домовой. – Что хошь проси, сделаю – а это нет! Боюсь!

– Не боись, лохматый, защитим! – прогудел Ментовский Вовкулака. – Надо будет, так спрячем!

– Угу, – бросая на него едкий взгляд, буркнул домовой. – По этой... программе защиты свидетелей... Ну чего уставились – фильмы заокеанские посматриваем, чай, в каждом доме нынче телевизор есть! А защиты домовым как не было, так и нет!

– Или ты говоришь, кто приходил ночью в больницу, или сидеть вашему Платону с завязанной бородой, пока не сдохнет! – неумолимо отчеканила Оксана Тарасовна.

Домовик поднял на нее полные слез глаза, покорно и безнадежно махнул лапкой и... прямо со стола сиганул в стену.

– Фас! – отчаянно заорала Ирка.

Иркиного кота точно пружиной подбросило. Вытянувшись в струнку, он с грозным мявом взлетел домовому на перехват.

Дом содрогнулся. С потолка в остатки борща рухнул кусок штукатурки.

– Вр-я! – растопырив лапы, кот распластался по стене. Как тряпочка, сполз на пол, поднялся на подгибающихся ногах и с невыразимым презрением поглядел на кинувшуюся к нему Ирку. Повернулся к ней хвостом и удалился прочь.

– Прости, друг Платоша! – с подвыванием прогудело из штукатурки. – Ничего, будет и под нашей половицей праздник! Ужо устроит проклятым ведьмам ихняя старшая – заплачут, как мы плакали! – стена пошла волнами... и все стихло.

– Что ж вы... Оксана Тарасовна, – с укором глядя то на ведьму, то на плавающую в борще штукатурку, вздохнул Ментовский Вовкулака. – Поаккуратней никак не могли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.